

18+

Кае де Клиари
Маранта

Кае де Клиари

Маранта

«ЛитРес: Самиздат»

2014

де Клиари К.

Маранта / К. де Клиари — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Отгремела Древняя война, но люди выжили. Новые государства возникли на руинах старых. Человечество, сделавшее шаг назад, снова устремилось по привычному тернистому пути устройства жизни, войн, торговли, бюрократии, разбоя и любви. И всё было бы по-старому, но тут в мир человеческий явились монстры. И тогда пошла совсем другая история. Текст романа содержит сцены насилия, смерти, кровавых расправ, распития спиртных напитков, курения табака, а также сцены эротического содержания. Поэтому произведение не рекомендовано для читателей моложе 18 лет.

Содержание

Пролог. Награда за службу	6
Глава 1. Его величество король Лоргин и благородный Золас	7
Глава 2. Освободитель	11
Глава 3. Великая праздничная новость	13
Глава 4. Почему часовых должно быть двое	15
Глава 5. Ничто человеческое...	17
Глава 6. Он был лучший...	18
Глава 7. Повинна...	20
Глава 8. «А ты страстная!»	22
Глава 9. Знамя королевства	25
Глава 10. Лучшее лекарство	26
Глава 11. Способная ученица	28
Глава 12. Достойная награда	30
Глава 13. Ещё одна сторона любви	32
Глава 14. Соответствие образу	34
Глава 15. И ещё одна сторона любви	37
Глава 16. Невозможность уйти «по-тихому»	38
Глава 17. «Дворец наслаждений»; особые стороны любви	42
Глава 18. «Законный» выход	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Эта книга является результатом фантазии автора. Любые совпадения имён, прозвищ, географических и прочих названий, терминов, а также возможных событий и ситуаций, являются случайными.

Моей жене Ирине, которая не похожа ни на одну из жёниц, изображённых в этом романе.

"Я человек. И ничто человеческое мне не чуждо!"
старец Хремет

Пролог. Награда за службу

Маранта лежала на полу и от бессилия скрежетала зубами. "Королевская мантия" не давала пошевелить ни рукой, ни ногой, не давала даже дышать по-человечески. Оглядеться по сторонам она тоже не могла: облако её длинных каштановых волос, закрыло от глаз всё вокруг, рассыпалось и прилипло к доскам пола, вымазанным кровью и экскрементами. Оставалось только ждать, но чего? Уж конечно ничего хорошего! "Королевская мантия"! Вот, что она получила в награду за годы службы...

Глава 1. Его величество король Лоргин и благородный Золас

А всё началось с этого бандита – Золаса! Нет, пожалуй, на нём всё закончилось, а началось с того, что самозванный король Лоргин заметил на турнире девушку, которая виртуозно владела мечом, не уступая в этом самым опытным бойцам его Гвардии. Нет, тогда она вовсе не стала победительницей, но он её "заметил" и предложил ей службу, а она согласилась. Дурочка!

Впрочем, поначалу всё шло не так уж плохо. Лоргин, не совсем старый ещё мужчина, попавший "из грязи в князи", всем нравился своей энергией, умом, сильной волей и здравыми, смелыми решениями, благодаря которым люди в королевстве впервые за многие годы почувствовали себя в безопасности. Это он сумел объединить несколько десятков разрозненных поселений, ютившихся в развалинах, которые остались от древних городов. Он создал из них подобие государства, и по своей прихоти назвал его королевством, а на себя возложил титул, вычитанный из детских сказок. Многие ворчали или посмеивались, но это было здорово! Лоргин установил законы, которые сам и написал. Они были частью наивны, а частью нелепы, но люди согласились жить по ним, ведь они так устали от беззакония! Лоргин основал армию и полицию, он назначил своих заместителей и позаботился о каждой жизненно необходимой мелочи, от обороны перед угрозой вторжения неприятеля, до снабжения городов водой, вывоза мусора и устройства канализации. Люди благословляли своего короля, готовы были на него молиться. Вот тогда-то и начались странности.

Первой из этих странностей оказалось введение особого дворцового этикета. Если раньше любой из граждан королевства мог без труда получить аудиенцию у своего монарха, и разговаривал с ним запросто, то теперь, чтобы поговорить с королём, подать прошение или жалобу, приходилось проходить множество инстанций, назначение которых было никому не понятно.

Кроме того, проситель не имел права обращаться к королю непосредственно, должен был говорить о нём и о себе в третьем лице, и ни в коем случае не смотреть в глаза своему монарху. Сам Лоргин во время таких приёмов изображал из себя статую, ухитряясь просидеть неподвижно по нескольку часов. Кое-кто, при виде всего этого, пожимал плечами, но большинство не нашло в причуде венценосца ничего предосудительного.

Второй странностью было десятикратное увеличение дворцовых мероприятий. Балы, приёмы, парады, банкеты шли один за другим, и не было им конца. Надо ли говорить, что на всё это понадобилось больше средств и это повлекло увеличение налогов. Однако народ стерпел. За несколько лет мирной жизни люди успели накопить небольшой запас и могли теперь не бояться голода.

Третья странность, поначалу, вызвала среди людей больше усмешек, чем негодования: старый хрыч вдруг воспылил страстью к молоденьким девушкам, едва достигшим возраста зрелости. Правдами и неправдами десятки юных созданий стали появляться во дворце под видом кухарок, прачек и горничных. По ночам из королевских покоев слышался визг, смех, а иногда и стоны, мольбы о пощаде. Девчонки задерживались на этой работе недолго. Чаще всего их отправляли восвояси через недельку-другую, а иногда красных и зарёванных выкидывали из дворца на следующий день. Подданные Лоргина пожимали плечами. Особенно удивлялись те, кто помнил его человеком справедливым и сдержанным. Но что стоят слёзы нескольких девок по сравнению со спокойствием целого королевства?

Так продолжалось до тех пор, пока две девушки, нанятые для работы на кухне, не исчезли бесследно через пару дней после прибытия во дворец. Это были сёстры-близнецы, дочери

недавно овдовевшего лесника, который жил в домике за городскими стенами. Пропажа обнаружилась не сразу. Отец этих девушек был на охоте и смог навестить дочерей только через неделю. На все его расспросы дворцовая челядь лишь пожимала плечами, а некоторые прятали глаза. Понятно, что аудиенции у короля этот человек так и не добился, но вскоре всё выяснилось само собой.

В двух днях пути вниз по реке, на берегах которой стояла столица, была бедная рыбацкая деревушка, состоявшая всего из десятка крохотных домиков. Вот там-то и выловили два обезображенных, до неузнаваемости, трупов, которые местные рыбаки, согласно указу самого Лоргина, привезли на телеге в столицу. Оба тела были обнажены, руки скручены за спиной, какой-то проволокой, а к ногам привязаны точильные камни, взятые по-видимому из королевской кухни. Скрыть всё это не удалось: сразу после въезда в город телегу окружила толпа, в которой оказался и старый лесничий.

Люди потом рассказывали, что он лишь минуту смотрел на то, что осталось от его дочерей, потом развернулся и быстрым шагом вышел за ворота. А через несколько дней, когда Лоргин проезжал в своём возке по лесной дороге, его ухо пробила длинная охотничья стрела, рассчитанная на медведя. Следующая стрела вонзилась в грудь телохранителя загородившего собой сюзерена. Третью отбила мечом подоспевшая Маранта. Больше выстрелов не было. В лесу стрелка поймать не удалось, но через пару дней его схватили по доносу соседей в собственном доме, куда он зашёл за пожитками. Суд был коротким, и приговор исполнили немедленно. Тело бедняги целый месяц украшало виселицу на городской площади, где в прежние времена казнили только самых жутких нелюдей и душегубов.

С тех пор Лоргин стал труслив и подозрителен. Везде ему мерещились заговоры и интриги. Он устроил охрану и завёл тайную службу, которая принялась следить за всеми и каждым. Среди людей поощрялось стукачество и доносительство, под тем предлогом, что тот, кто доносит на ближнего своего, ему же и помогает встать на путь истинный. Этот путь частенько проходил через городскую площадь, где старую виселицу заменили на новую, большую и удобную. На ней теперь всегда были "постояльцы", среди которых вскоре появилось несколько приближённых самого Лоргина.

А ещё, старый король вдруг разлюбил девочек и стал активно бороться за мораль и чистоту нравов. Первыми пострадали матери-одиночки. Их выгнали поначалу из столицы, а потом и из остальных городов королевства. Попросту выставили с детьми на улицу, заставив бросить все пожитки. То, что среди них оказалось немало бывших пассий самого Лоргина осталось незамеченным. Затем, права жить под защитой городских стен лишились женщины, заподозренные в непристойном поведении. Чаще всего на них доносили злые соседи, и никого не насторожило, что среди них оказалось немало таких, кому было всего по десять, а иным аж по семьдесят лет. В конце концов, преследованию за «развратное поведение» подверглись и мужчины, замеченные в хождении «налево», среди которых оказались даже королевские солдаты и полицейские. И опять никого не волновало, что среди них было множество холостяков навещавших подружек по человеческому свойству неприятия одиночества.

Города опустели на треть, зато появилось множество небольших поселений, которые стихийно возникали то тут, то там и за которыми следить было очень не просто. Там не действовали королевские законы. Там люди жили согласно тем правилам, которые придумывали себе сами. Эти поселения больше напоминали разбойничьи логова, и все попытки подчинить их королевской власти провалились. Несколько таких мятежных деревень стражники сожгли дотла, а жителей вырезали, невзирая на пол и возраст. Тогда жители остальных посёлков научились прятаться. Едва отряды солдат подходили к очередному лагерю, как его обитатели живо собирали пожитки и исчезали в неизвестном направлении, бросив свои убогие дома на произвол судьбы.

Но вскоре у короля Лоргина появилась новая головная боль. И этой болью был разбойник по имени Золас.

Его основным занятием было ограбление королевских инкассаторов, о передвижении которых он каким-то чудом всегда знал заранее. Его козырем было огнестрельное оружие, запрещённое на территории королевства. Лоргин, ещё до того, как провозгласил себя монархом, собрал всё, что стреляло с помощью пороха, и объявил это собственностью государства. Между тем, Золас чихать хотел на все запреты. На его широком поясе красовались два крупнокалиберных револьвера, которыми он владел виртуозно, а за спиной на расшитом цветным бисером ремне, висела старинная винтовка. Он сам называл её "оленебой" и горе было тому стражу, кто имел несчастье попасть в прицел этого дальнобойного ружья.

Однако Золас имел репутацию человека не кровожадного. В глазах бедного люда он скорее был благородным разбойником, способным помочь страждущему и наказать злодея. Так ли это было или нет, судить трудно, ведь народная молва всегда склонна к преувеличениям. Наверняка было известно только, что наглее и удачливее вора невозможно себе представить. Самым возмутительным было то, что он почти не прятался. Все прекрасно знали, как он выглядит, где бывает, но он постоянно ускользал от полиции, словно это был не человек, а угорь! Без страха, не таясь, заходил он в придорожные трактиры и городские кабаки, садился на самое видное место и кидал на стол кошель с золотом. Высокий, смуглый, черноволосый красавец с пронзительными синими глазами и белозубой улыбкой. Он всегда носил одну и ту же широкополую чёрную шляпу с золотой пряжкой, по которой его можно было узнать в любой толпе. А ещё, бандит Золас был ужасный бабник. Никакие королевские запреты были ему нипочём, а женщины, удостоенные его вниманием, были готовы пойти на любой риск ради этого ловеласа. Многие, конечно, за это поплатились, но ходили слухи, что Золас никогда не оставляет в беде тех с кем провёл хотя бы одну ночь, и там, за городскими стенами они гораздо более счастливы, чем здесь под опекой короля Лоргина.

Поймать этого преступника стало делом чести полиции и стражи. На это были брошены все силы, но тут выяснилось нечто такое, что повергло в шок и служителей закона, и государственных чиновников. А случилось вот что.

Как то вечером обер-полицмейстер Кляч, взмыленный и уставший после разноса, который устроил ему министр внутренних дел, вернулся в свой небольшой аккуратный особнячок, расположенный недалеко от королевского дворца. Накануне он предупредил свою молодую жену, что всю ночь пробудет на совещании и придёт только утром, но случилось иначе. Распекая подчинённого, министр вспылил и выгнал его из своего кабинета, отказавшись выслушать объяснения. Тому ничего не оставалось, как пойти домой, что он и сделал.

Миновав ажурную калитку, ведущую в небольшой садик перед домом, обер-полицмейстер с удивлением заметил, что в окнах, несмотря на поздний час, горит свет. Подойдя поближе, он услышал звуки музыки, топот ног и женский смех. Заподозрив неладное, сей высокопоставленный чиновник вбежал в дом и застыл от изумления, увидев следующую картину: две служанки и молоденькая повариха, совершенно голые, с визгом бегали по гостиной, а за ними гонялся, какой-то мужик, тоже голый, с повязкой на глазах. Мужик оказался его собственным конюхом, которого он едва узнал в таком виде. Увидев хозяина, вся компания скрылась в глубине дома с воплями ужаса, а он сам поспешил в спальню.

Там он застал свою молодую жену в постели, в объятиях некоего субъекта, который, ничуть не смутившись, подхватил одежду, висящую на стуле, надел чёрную шляпу с золотой пряжкой, вскочил на подоконник окна выходящего в сад, одарил всех присутствующих белозубой улыбкой и был таков!

На следующий день столичную виселицу украсило тело конюха, а вся прислуга начальника полиции отправилась в изгнание. Обер-полицмейстер поздновато понял, что погорячился. Во-первых, он не додумался допросить человека, который был связан с Золасом, а во-

вторых, в королевском кодексе ещё не было закона, который предусматривал бы смертную казнь за прелюбодеяние. Но в этом ему на помощь пришёл королевский кабинет и такой закон срочно приняли.

Но тут возникла новая проблема: на допросе, (с пристрастием), согрешившая жена главного полицейского, рассказала, что разбойник и ловелас Золас навещал не только её одну. Оказалось, что он регулярно заходил к доброй половине жён королевских министров, военачальников и придворных.

Что тут началось! Аресты, обыски, смещения с постов, следовали один за другим. Однако встал вопрос, а что теперь делать с этими провинившимися матронами? Согласно новому закону, их следовало казнить, но даже сам спятивший Лоргин понимал, что это будет смахивать на акт жуткого тиранства, и может быть плохо воспринято народом, который и так уже начал призадумываться над тем, не перегибает ли палку возлюбленный монарх? Да и городская виселица была переполнена до отказа: на ней гроздьями висела домашняя челядь его вчерашних приближённых. В конце концов, решили этих дам приговорить к смертной казни, но исполнение приговора отложить на неопределённое время, а их самих отправить в дальний форт на границе королевства и запереть там, в подвале под надзором стражи. Сказано – сделано. Обоз с рыдающими женщинами отбыл из столицы глухой, дождливой апрельской ночью. Это было сделано неспроста: для горожан такое зрелище было вредным, ведь власть собиралась "замолчать" проблему. Как ни крути, а Лоргин, утративший на старости лет ум и совесть, не утратил-таки хитрости! Но в королевстве был кое-кто похитрее его.

Глава 2. Освободитель

Обоз отъехал от столицы на приличное расстояние. Вот уже кончилась мощёная дорога, и крытые повозки затряслись и закачались на ухабах раскисшего сельского тракта. Впереди показался, чудом сохранившийся от старого мира, каменный мост по которому и в ясную-то погоду было проезжать страшновато. Как назло, дождь усилился настолько, что мир вокруг почти скрыла сплошная стена воды. Мост маячил впереди, едва различимым серым пятном, а сзади и с боков совсем ничего не было видно.

– Может, обождём? – спросил возница переднего возка у командира стражи, нервно тискавшего рядом двустольный дробовик.

– Не! Приказ короля был доставить их к следующей ночи, а приказы нарушать нельзя! – ответил тот, но впечатление было такое, что его беспокоит не страх нарушить приказ короля, а что-то ещё. – Скоро рассвет, а чтобы успеть нам придётся весь день ехать. Остановимся сейчас – не сможем остановиться в полдень, так что трогай и не промахнись мимо моста!

Возница был опытным, мимо моста не промахнулся и вскоре тележные колёса зашкрипели по выщербленным каменным плитам. Вроде пока всё шло гладко. Мысль о том, что здесь что-то не так пришла, как всегда, с опозданием на секунду, но этого хватило, чтобы обоз попался в расставленную ловушку! Вдруг, как-то по другому зазвучали копыта лошадей, словно они ступали уже не по камню, а по деревянному настилу, чего не могло быть на этом старом мосту. Раньше, чем возница и, сидящий рядом командир сопроводительного отряда, сообразили, что бы это могло означать, передние колёса головного возка провалились по самую ось и застряли, словно зажатые тисками! Перепуганные лошади заржали, захрапели, и вскинулись было на дыбы, но их тут же схватили под уздцы сильные твёрдые руки.

Отовсюду, из-за парапетов моста, из-за стены дождя и просто ниоткуда возникли люди в длинных серых плащах, больше похожие на тени и бросились к замершему обозу. Сзади раздались истошные крики, хлопнуло несколько выстрелов, поднялся перепуганный женский визг вперемешку с яростным мужским рычанием. К переднему фургону, на облучке которого замерли в ужасе возница и командир стражи, подошёл высокий человек, на голове которого красовалась чёрная широкополая шляпа с золотой пряжкой, одетый в серый, как у остальных, плащ.

– Приехали! – просто сказал он. – Бросайте оружие и вон отсюда!

– Умри, Золас! – вдруг взвизгнул командир стражи и вскинул свой дробовик.

В следующую секунду он корчился от боли на мокрых от дождя досках, а его оружие, выбитое ударом хлыста, откатилось в сторону.

– Спасибо, Зигель! – кивнул человек в шляпе худощавому подростку, деловито сматывающему длинный пастуший кнут. – Ты просил дать тебе пушку? Бери себе этот вот пугач, теперь он твой. Ну, всё, игры закончились! Ещё кто-нибудь дёрнется – так распрощается с головой! Разоружите их всех и гоните в шею! Пусть передадут от меня привет королю Лоргину! Так, что тут у нас?

С этими словами он подошёл к борту фургона и без всяких церемоний рассёк ножом толстую ткань. Один из разбойников поднёс к разрезу факел. Внутри заблестело несколько пар глаз и раздалось жалобное поскуливание.

– Кого я вижу! Галанта?! – воскликнул Золас и картинно приподнял шляпу. – А я уж думал, что муж тебя съел! Но ничего, он своё получит, когда придёт время. Давай, вылезай, а то я уже промок до нитки, вас тут ожидаючи!

С этими словами он протянул руки и извлёк из фургона жену обер-полицмейстера. Волосы молодой женщины были спутаны и местами покрыты коркой запёкшейся крови, под

левым глазом красовался лиловый синяк, а когда она встала на ноги, то охнула от боли и покачнулась, теряя равновесие.

– Понятно! – буркнул Золас, нахмурившись и подхватывая девушку на руки. – Муженёк твой легко не отделается. Эй, там! Выводите их всех, и пошли к лодкам. Я хочу к рассвету оказаться в лагере.

– Атаман! – крикнул кто-то с другого конца обоза. – Там что-то...

Золас прислушался. Сквозь шум дождя раздавалось какое-то мерное постукивание, словно в отдалении неторопливо били несколько десятков барабанов.

– Всадники! Это конная стража! – воскликнул главарь разбойников. – Ах, Лоргин! Вот старая лиса! Все живо к лодкам! Зигель, помоги ей!

С этими словами он передал девушку давешнему подростку, а сам побежал к началу моста, на ходу снимая, висящую за спиной винтовку.

– Атаман, я с вами! – крикнул тот, кого называли Зигелем и заозирался вокруг, соображая, куда девать свою живую ношу.

– Выполняй приказ! – раздалось в ответ. – Пойдёшь за мной – убью!

Парень стиснул зубы, зло посмотрел на женщину, которая похоже потеряла сознание, и заспешил в обратную сторону, куда разбойники вели освобождённых узниц.

Глава 3. Великая праздничная новость

Несмотря на мрачную сырую погоду, столица выглядела празднично. Ещё бы! Ведь король Лоргин одержал большую победу – бандит Золас наконец-то попался! Поначалу его хотели провезти в клетке по улицам города, но потом решили не рисковать, а просто объявили о его поимке и назначили народные гуляния. Впрочем, никто там не гулял, и только влажный холодный ветер трепал разноцветные флажки на пустых улицах и площадях. Народ, однако, не сидел дома. Почти всё население пребывало в кабаках, где рассказывали потрясающие истории и небылицы о поимке знаменитого разбойника.

– Мы выждали с полчаса и тронулись следом. – говорил красноносый стражник, которому благодарные слушатели всё подливали и подливали местного тёмного вина. – Наш мудрый король сразу догадался, что Золас захочет забрать себе это паскудное бабье, а лучшего места, чем тот мост и придумать нельзя было. Ну, значит подъезжаем мы к мосту. Ни хрена не видно, но слышно даже сквозь дождь, как там галдят и стреляют! Значит тут этот субчик, распутниц освобождать явился, вместе со всей своей бандой! Наш командир приказал в галоп, вот мы и поскакали. Только ещё до моста не доехали, слышим ба-бах! Командир за грудь хватается и прочь с коня на всём скаку! А тут снова – ба-бах! ба-бах! И так раз шесть. Первый ряд весь с лошадьми и попадал! А мы летим во весь опор, ведь на скаку-то быстро не остановишься! И тогда, ка-ак грохнет! Мне огнём в глаза полыхнуло, конь подо мной на дыбы, а я из седла вон! Когда проморгался, гляжу – кругом меня люди кучами валяются, рядом кони мечутся обезумевшие! Ну, всё, думаю, хана! Побил нас Золас! Собрался я, было сделать оттуда ноги, но тут меня чей-то конь по каске копытом грох! Тут я и отключился.

– А как Золаса-то поймали? – спросил кто-то из слушателей.

– Так я этого не видел, я ведь в отключке лежал! – ответил красноносый стражник и снова взялся за кружку.

Присутствующие разочарованно зашумели.

– Я расскажу вам, как взяли Золаса! – раздался голос с порога и все обернулись в ту сторону.

В общую залу вошёл стражник с сержантскими нашивками. Увидев его, давешний рассказчик вполголоса выругался и отвернулся в другую сторону.

– Я знаю, как попался Золас, потому что это я его поймал! – заявил вошедший и, гордо подняв голову, прошёл в середину, где ему тут же освободили место.

Все присутствующие сгрудились вокруг нового свидетеля, едва не повиснув друг у друга на плечах. В эту толпу не полезли только двое – красноносый стражник и трактирщик, неторопливо протиравший стаканы за стойкой.

– Что скажешь, Ганс? – спросил второй у первого.

– А чего тут скажешь? – ответил красноносый. – Это, известное наше трепло! Нет такого другого любителя, приписать себе чужие заслуги, как сержант Мохель. Я и впрямь не видел, как сцапали Золаса, но как Мохель кувыркнулся с лошади, я видел, ведь скакали мы рядом! Он тогда ещё в глубокую лужу плюхнулся и лежал там лицом вниз. Я уж подумал: прощай Мохель, не услышим мы больше твоих баек, а заодно и доносы на нас начальству строчить больше будет некому! Так ведь нет же! Вот он, живёхонек. Правду значит, говорят – г...но не тонет.

С этими словами красноносый Ганс презрительно сплюнул в сторону своего сержанта и запрокинул голову, выщеживая из кружки последние капли.

– Слушай, дружище! – снова обратился к нему трактирщик, подливая вина в опустевшую кружку. – Ты бы узнал у своих подробности, ведь кто-то, что-то видел? Спроси ребят, как оно там было на самом деле, а я в долгу не останусь...

– Да я бы давно уж разузнал, ведь самому интересно, но все, как в рот воды набрали! Один только слух ходил, да затих быстро: вроде как Золаса прибрали не наши, а те, кто за нами следовал. А вот кто они такие, об этом все молчок! Видно и впрямь не стоит о том говорить, а то не ровён час окажешься с разбойничком в одной компании.

– Вот оно как!

Трактирщик задумался, погрузнев, но тут же хитро сощурился и ещё добавил вина, уже заметно набравшемся Гансу.

– Так ты у него самого спросил бы. Он ведь у вас под надзором сидит?

– Не-е, (ик!) он не у нас. Он во дворце сидит, в особой (ик!), темнице. У-у у нас его сразу за-абрали! Его теперь гы... гы... Гывардия охраняет!

– Э-ге-ге! – Пробормотал трактирщик под нос и зачем-то снова наполнил кружку, едва держащегося на ногах стражника.

Глава 4. Почему часовых должно быть двое

Когда Маранте сказали, что её ждёт спецзадание, от которого зависит повышение по службе, она было обрадовалась. Работы для Гвардии давно не было, а регулярные дежурства и выстаивания на часах возле королевских покоев, надоели так, что дальше некуда! Она уже серьёзно подумывала, а не перевестись ли из Гвардии в стражу. Ну и что, что это фактическое понижение, зато стража разбойника Золаса ловит, а Гвардия во дворце киснет! Это раньше, когда Лоргин был ещё силён и деятелен, сам лез во все дела и не боялся ни интриги, ни драки, он брал гвардейцев и в инспекционную поездку, и на войну, и на гулянку, а теперь...

Радость Маранты сошла на нет, едва она узнала, что это задание заключается в охране пойманного вчера Золаса. Опять стоять под дверью, изображая статую с мечом! Пять часов потерянного времени! Нет, она точно переведётся в стражу. Там настоящая работа не заставит себя ждать, ведь Золас не последний бандит в королевстве!

Но приказ есть приказ, а она пока ещё офицер гвардии и находится на особом доверии. Это означает, что на часах она будет стоять в одиночку. Но это как раз неплохо. Ей не нужна была компания. Во-первых, не будет взглядов в сторону её груди, от которых мужик к концу дежурства окосевает, а во-вторых, в случае чего, никто не будет мешаться под ногами и лезть под клинок. Хотя, что здесь в дворцовом подземелье может такого случиться?

Одно хорошо – она наконец-то увидит этого Золаса, на которого давно хотела посмотреть. То, что он личность незаурядная, это было ясно. Не всякий способен перебаламутить всё королевство, поднять на уши все службы и так долго уходить от преследования! То, что она о нём слышала, даже вызывало симпатию, но закон есть закон, а он был нарушителем закона.

Камера знаменитого бандита находилась не просто под землёй, она была расположена отдельно, в конце длинного узкого коридора, с несколькими поворотами, каждый из которых перекрывала стальная решётка. Здесь можно было вообще не ставить никаких часовых – бежать из такого места

мог лишь призрак. Маранта проговорила пароль, отсалютовала гвардейцу, которого должна была сменить и встала спиной к стене рядом с массивной дверью, снабжённой зарешеченным окошечком. Шаги часового постепенно затихли вдалеке, и в ушах у неё зазвенела давящая подвальная тишина.

– Красавица! – раздался вдруг в этой тишине бархатистый мужской баритон. – Красавица, я знаю, что ты здесь! Подойди к окошку!

Маранта обалдела от такой наглости. Она и сама хотела чуть позже заглянуть в окошко, а теперь этот нахал звал её, как будто она не гвардеец-часовой, а какая-нибудь служанка.

– Подойди, не бойся! – продолжал тот же голос.

– Мне нечего бояться! – сердито сказала Маранта, становясь напротив двери. – Чего тебе надо?

– Для начала, поглядеть на тебя! Интересно ведь – так ли ты красива, как твой голос, который я только что слышал?

– Ну и как! – Маранта пыталась сохранить сердитый вид, но это удалось её плоховато и она, помимо воли, улыбнулась.

– Ты прелестна! Вот только гвардейская форма тебе не к лицу.

– А что же к лицу? – спросила зачем-то девушка, понимая, что вовлекается в разговор навязанный заключённым, с которым по уставу вообще запрещено было разговаривать, но остановиться она почему-то не могла.

– Красивой женщине к лицу бывает, либо красивое платье, либо полное его отсутствие! – был ответ.

Маранта невольно рассмеялась.

– И не надейся!

– Я и не надеюсь, хоть это было бы очаровательно! Ведь меня скоро повесят, если Лоргин не придумает, что-нибудь поинтереснее!

– Ты это заслужил.

– С точки зрения закона, придуманного королём, да! А вот с точки зрения справедливости, это заслужил сам король.

– Так, хватит! Больше ни слова. Я не собираюсь обсуждать с преступником действия своего повелителя!

– Ну, я вообще-то не собирался с тобой обсуждать ничего такого. Я просто хотел пригласить тебя на ужин.

– Что?!

– Понимаешь, пусть король меня и ненавидит, но он приказал обращаться со мной, как с почётным военнопленным и кормить со своего стола. Бог его знает, зачем ему это понадобилось, но мне сюда столько всего наташили, что одному точно не съесть. Вот, взгляни сама!

Золас, от которого в окне были видны только глаза и нос, посторонился, и взору Маранты предстало не такое уж тесное помещение с накрытым столом посередине. Точнее этот стол, освещённый несколькими свечами, просто ломился от истекающих соком жареных куропаток, ломтей окорока, свежих булок в особой корзинке, пирожных в серебряных вазах и кувшинов с вином. А ещё там было множество разнообразных закусок и салатов, от вида которых у легко позавтракавшей девушки, засосало под ложечкой и предательски заурчало в животе.

– Даже если бы я согласилась, как ты себе это представляешь? – спросила Маранта, вновь рассмеявшись. – Ведь ты же заперт, а замки здесь такие, что и тараном не взять!

– Кому в наше время нужны тараны? Всё гораздо проще, красавица!

При этих словах, заключённый чем-то щёлкнул со своей стороны, и на глазах изумлённой Маранты броневая дверь открылась, пропев песню давно не мазаных петель.

Девушка отпрыгнула, выхватывая меч, но известный бандит и не думал нападать. Он просто стоял в проёме и улыбался, жестом приглашая её войти. Странно, но вместо того, что бы звать подмогу, Маранта стояла, как вкопанная, и только одна, непонятно откуда взявшаяся, мысль крутилась у неё в голове: "Он ещё более красив, чем говорили!"

– Ну, так как? – спросил разбойник, белозубо улыбаясь.

– Ты же мог сбежать! – сказала вместо ответа Маранта, не меняя позы.

– Сбежать? Врядли. Попытался мог, но когда меня сюда вели, я заметил, сколько народу находится в подземелье и в помещениях к нему ведущих. Ну убил бы я того парня, что охранял меня до этого, а дальше что? Здесь такое количество решёток и у каждой свой замок. Незаметно не откроешь, бесшумно тоже. В итоге, что мне даст такой побег? Две-три жизни я возьму, прежде чем меня заколют или нашьпигуют свинцом. Но зачем мне эти жизни? Я не Лоргин, зря губить людей не стану. Кроме того, с Гвардией я не ссорился, вот стража, другое дело. Впрочем, и этих дуболомов я луплю только тогда, когда они нападают. Ну, так как? Зайдешь?

– Закрой дверь, тогда я не скажу следующей смене, что ты нарушил режим заключения!

– Нарушил *что*? – Золас искренне расхохотался. – И что тогда мне сделают? Впрочем, закрыть дверь я всё равно не могу – замок видишь ли сломался. Слушай, лапуль, тут у меня горячий поросёнок и такое вино, какое я не пробовал даже когда влез, как-то, в погреб твоего дружка Лоргина! Спрячь свою железку, и расслабься, а я даю тебе самое честное разбойничье слово, что не сбегу и не заставлю тебя делать что-либо против твоей воли!

И тут Маранта сделала то, что не смогла объяснить себе самой впоследствии – она вложила в ножны свою скьявону и вошла в камеру бандита Золаса. Возможно, были виноваты его гипнотические синие глаза... Кто знает?

Глава 5. Ничто человеческое...

– Так как же вышло, что они тебя схватили?

В руке Маранты был уже третий кубок вина, и он был наполовину пуст. Её меч мирно стоял в углу и Золас на него не покушался. Он вообще был замечательный, этот Золас! Маранта не привыкла к такому обхождению. Жизнь в Гвардии приучила её к простым, грубоватым отношениям, тяжеловесным солдатским шуткам, мыслям высказываемым напрямую, а тут...

Красавец-бандит был обходителен с ней, будто она была придворная дама, но его слова не были вычурными и заумными. Он выражался просто, слегка снисходительно и даже небрежно, но девушка чувствовала, что её уважают и ею восхищаются! И всё это говорилось искренне, если только не было тонкой и умелой игрой, но Маранте почему-то было всё равно, игра это или нет.

– Я сам во всём виноват! – ответил, слегка нахмурившийся, Золас. – Не рассчитал силу взрыва, вот меня и шарахнула собственная бомба. Если бы не это, я смог бы уйти к лодкам раньше, чем кто-либо из стражи очухался. Впрочем, меня ведь повязали не стражники.

– А кто?

– Да кто ж их знает? Наверно те, кого Лоргин послал за всем следить. У него ведь это обычное дело – стражник следит за гражданином, полицейский за стражником, тайный агент за полицейским, стукач за тайным агентом, а кто-нибудь ещё за стукачом и так далее.

– Ну, уж за Гвардией никто не следит! – рассмеялась, порядком захмелевшая Маранта.

– Ты уверена? – Золас хитро сощурился и заглянул ей в глаза. – Наивное дитя!

За такое сравнение любому другому она немедленно выбила бы зубы, но сейчас почему-то даже не обиделась. Более того, когда этот государственный преступник протянул руку и ласково провёл по её волосам, она не только не отстранилась, но даже потёрлась щекой о его ладонь.

– Иди сюда! – сказал Золас, пересаживая её к себе на колени.

– Что ты делаешь? – спросила девушка, ощутив его губы подле своих, а непосредственно под собой некий твёрдый предмет в происхождении которого не могло быть сомнений.

– Ты прекрасна! – сказали его губы, оказавшиеся, на сей раз возле уха. – Я хочу любить тебя!

И тут случилась ещё одна странность, которую Маранта так и не смогла объяснить ни тогда, ни после: она вдруг поняла, что сидит без одежды! Впрочем, теперь ей это было всё равно.

Нет! Не всё равно! Это было здорово! Восхитительно! Великолепно! Его мощные руки держали её крепко и нежно, а губы путешествовали по всему телу, с потрясающей быстротой оказываясь, то на шее, то на груди, то на животе. Маранта выгибалась дугой, откинувшись назад, подставляя себя под эти волшебные губы, а в следующий миг уже крепко обнимала своего возлюбленного и сама целовала его, бешено и страстно! Наконец она перекинула ногу, сев на него верхом и направила его естество в себя! Миг наслаждения был до того силён, что громкий сладкий стон вырвался у девушки, а её любовник, умело подхватив упругие ягодицы, стал помогать ей делать ритмичные поступательные движения, буквально насаживая горящее страстью лоно на свой могучий скипетр.

Глава 6. Он был лучший...

Маранта шла по коридору на слегка дрожащих ногах и улыбалась. Её дежурство только что закончилось, и она ушла, потихоньку послав Золасу благодарную улыбку. Их страсть кипела три часа подряд, способы любви менялись, и, закончив, они после небольшой передышки, наполненной нежными ласками, начинали всё заново! Золас был неумолим, но и она показала себя настоящей львицей, богиней страсти и повелительницей алькова! В результате они едва успели одеться и привести всё в порядок до появления следующих часовых. И вот теперь у неё внизу основательно побаливало, а ещё она чувствовала, как семя этого потрясающего любовника, струйками стекает по её ногам, щекоча разгорячённую кожу. Теперь надо было принять снадобье, которое хранилось у неё среди немногочисленных баночек с косметикой и простыми лекарствами. Несвоевременная беременность положит конец её карьере, неважно останется ли она в Гвардии или переведётся в стражу.

Нет, всё-таки, ну и приключение! Впрочем, она ни о чём не жалела. Чего греха таить? В свои двадцать шесть лет Маранта давно уже не была девственницей. Собственно, она перестала ей быть через два месяца после того, как поступила на службу к Лоргину. Её первым любовником был сержант гвардии с простым именем – Дик. Было ли это настоящим его именем, она так и не узнала. Менять имена при поступлении на службу стало давней традицией, а за два года их связи они так и не поговорили на эту тему. Вот тогда-то восемнадцатилетняя Маранта и оросила первой кровью жёсткую, пропахшую потом, койку в его, по-мужски, неприбранной каморке. Эх, золотое было времечко! Они почти стали семьёй. По крайней мере, грубоватый, но честный и преданный Дик, предлагал ей выйти за него и поселиться где-нибудь на ферме, подальше от города. Но ей нравилась королевская служба и она всё медлила с ответом. Дик погиб от стрелы варвара на восточной границе, когда Лоргин послал гвардию разобраться с бандой, замучившей местные поселения, которую никак не могла одолеть стража. Маранта неделю выла от ужаса и горя. Её не трогали, только в комнате, где она лежала ничком на кровати, таинственным образом появлялась на столе еда. Но через неделю совершенно спокойная, и как всегда собранная девушка-гвардеец вновь появилась на службе. Только глубоко запавшие глаза и не улыбающиеся губы напоминали о пережитом ею несчастье. Больше полугода у неё никого не было, а потом... Потом Маранта вдруг поняла, что беднягу Дика она, в сущности, не любила. Да, он был отличным парнем, хорошим другом и надёжным соратником, а ещё, нежным и страстным любовником. Возможно, выйди она за него замуж, они были бы счастливы. Возможно...

В общем, когда один из младших офицеров однажды пригласил её на свидание, она не стала отказываться и за это её не осудила ни мужская, ни женская половина Гвардии. Эта связь была недолгой, как и все другие, что были впоследствии. Сколько их было? Не меньше пяти. Или больше? Она точно не помнила. Наверно больше. Однажды Маранта даже приняла приглашение самого короля Лоргина. А что ей было терять? Она ничем и никем не была связана, а король всегда к ней хорошо относился, так зачем же обижать его отказом? Правда, Лоргин, несмотря на крепкое ещё тело, всё же был стар, но вот его слуга... тот был хорош! Девушка получила массу удовольствия, но это оказался первое и последнее её любовное свидание с монархом – вскоре Лоргин сильно заболел, а когда выздоровел, увлёкся совсем юными девочками, а Маранте к тому времени уже перевалило за двадцать. Зато она познала радость любви с двумя мужчинами сразу, и впоследствии ещё дважды позволяла себе такое изысканное развлечение!

До её чистенькой опрятной комнатки оставалось совсем немного. Вот он знакомый поворот, ещё два шага и будет дверь, ключ от которой она уже нащупывала в кармане...

Удар был сделан так профессионально, что девушка не почувствовала боли. Не переставая улыбаться, она безвольно осела на пол и свет погас в её глазах. Лишь одна мысль крутившаяся, где-то на периферии сознания, вдруг всплыла и буквально выкрикнула себя, сделавшись подобной раскату грома: "Золас! Он был лучший из всех, но его ведь скоро казнят, и мы больше не увидимся!"

Глава 7. Повинна...

Нестерпимо болела голова. Впрочем, не одна только голова. Всё тело ныло и болело гадкой дёргающей болью. По-видимому, её бесчувственную пинали ногами. Возможно, даже сломали несколько рёбер, но "королевская мантия" так сдавливала грудь с намертво примотанными к туловищу руками, что это невозможно было определить наверняка.

Маранта попробовала пошевелиться. Тщетно! Ей удалось лишь слегка приподнять голову, но это ничего не прояснило. Сквозь покрывало из собственных разметавшихся волос она ничего не увидела, поняла только, что в комнате, где она лежала связанная, словно овца перед закланием, горел тусклый свет, но его источник остался непонятен.

Сколько времени прошло с тех пор, как она очнулась? Это тоже было невозможно определить, но ей казалось, что минула вечность. Но вот, наконец-то послышались шаги множества ног, и свет вокруг стал ярче.

– Поднимите её! – сказал кто-то знакомым каркающим голосом.

Маранту грубо схватили за плечи и вздёрули вверх, расстегнув при этом пару ремешков на "королевской мантии". Теперь она могла стоять на коленях. Стоять? Как же! Затёкшие, онемевшие мускулы не слушались, и она завалилась бы на бок, если бы кто-то не схватил её словно щенка за шкуру.

– Запрокиньте ей голову! – прокаркал тот же голос, но она по-прежнему не могла вспомнить, где его слышала.

Всё также грубо, её схватили за волосы и заставили смотреть прямо перед собой. И тогда Маранта увидела его. Он сидел в кресле, опустив голову, и не смотрел на неё. Боже! Как он изменился! Маранта на миг забыла о своём отчаянном положении и во все глаза уставилась на того, кого знала и кому служила уже много лет. Да, это был он, король Лоргин, её повелитель, покровитель и даже любовник. Но в то же время, это был не он! Тот Лоргин, которого она знала, был умён и энергичен, хоть и не всегда честен и благороден, как это подобает монарху, а сейчас перед ней сидел древний старик с шамкающим ртом и бессмысленным взглядом. Ужас!

– Приступим к суду! – каркнул снова этот противный голос, и на сей раз Маранта увидела его обладателя.

Этого человека она встречала и раньше. Даже припомнила, что зовут его, как-то странно – Гувор. Небольшого роста, лысоватый, скромно одетый с желтовато-розовой кожей и самодовольно-подобострастной улыбкой, он казался в толпе придворных лишним и попавшим в эту компанию случайно. Его и впрямь несколько раз принимали за слугу. Маранта припомнила, что в последний раз видела его стоящим возле трона, немного позади. Она ещё подумала: "А что это он там делает?"

– Присутствующая здесь женщина, обвиняется в нарушении королевского указа, запрещающего прелюбодеяние. Кроме того её вина усугубляется тем, что данное действие она совершила, во время исполнения обязанностей по охране государственного преступника с которым она и произвела сие мерзостное действие! Это означает, что бывший лейтенант гвардии Его Величества, по имени Маранта, совершила государственную измену и должна быть приговорена к смертной казни! Но прежде чем огласить приговор, я как первый советник короля и Главный прокурор королевства, спрашиваю своего монарха: виновна ли эта женщина в преступлении, в котором её обвиняют?

– Виновна, – прошамкал король, по-прежнему глядя в другую сторону.

– Повинна ли она смерти?

– Виновна, – опять проямлил монарх, который, похоже, не соображал, что происходит вокруг него.

– Нет, нет, Ваше Величество! Этот вопрос мы уже выяснили. Мне хотелось бы узнать, повинна ли она смерти? – Произнёс назвавший себя Главным прокурором с некоторой досадой в голосе.

На лице Лоргина отразилась некая работа мысли, которая доставляла ему явное мучение.

– Повинна, – наконец выдал он из себя и закрыл глаза.

– И последний вопрос, Ваше Величество! – почти пропел прокурор, потирая руки. – Какой казнью мы должны казнить эту преступницу?

– Повинна, – ответил король голосом звучащим, казалось бы с того света.

– Достаточно! – каркнул прокурор и злобно зыркнул в сторону короля. – Этот вопрос мы решим сами. Проводите Его Величество в опочивальню!

В опочивальню Лоргина "проводили" весьма оригинальным способом – подошедшие с боков два амбала, просто взяли кресло и унесли его в неизвестном направлении, вместе с сидящим в нём королём.

"И это весь суд? – подумала Маранта. – А где же адвокат? Меня что никто защищать не собирается? А моя служба все эти годы? А то, что я не раз спасала королю жизнь, что, тоже не имеет значения?"

Но вслух она не сказала ничего. Было ясно, что здесь спорить бесполезно.

– Господин Главный прокурор! – пробасил кто-то над её ухом, и она поняла, что это говорит человек, держащий её за шиворот. – А разве не следует допросить её с пристрастием, прежде чем вешать? Ведь она сообщница Золаса!

Прокурор, собравшийся было уходить, остановился на миг и призадумался.

– А, некогда! – каркнул он, махнув рукой. – Запри её до завтра в камере и сразу после этого ко мне. У нас сегодня ещё много работы!

Глава 8. «А ты страстная!»

Пол в камере, куда бросили Маранту, был холодным и сырым. Снять с неё "королевскую мантию" никто не удосужился, а потому стоящая на небольшом столике чаша с водой и лежащая там же краюха чёрствого хлеба, выглядели настоящим издевательством. Единственно, что хорошего сделали тюремщики, это то, что её оставили в сидячем положении, прислонив спиной к стене. Всё же лучше, чем лежать ничком!

Время вновь потянулось медленно и тоскливо. Маранта уже начала думать, что если казнь неизбежна, то лучше уж пусть она состоится поскорее, лишь бы закончилось это мучительное ожидание. Вдруг яркий свет хлынул в крохотное зарешеченное окошко. Лязгнул замок, и в открывшуюся с визгом дверь втиснулось что-то громадное. Это что-то поставило на стол масляную лампу и прогудело знакомым голосом:

– Ну, вот и я, красуля! Не ждала так быстро?

Маранта поняла, что это был тот самый палач, который держал её за шиворот во время судилища, а потом отволоч сюда несколько часов назад. Тогда ей было не до него, но теперь она по достоинству оценила красную рожу в обрамлении грязно-рыжих волос, огромные ручки и гадкий запах, исходящий от этого чудовища.

– Я вижу, ты рада! – продолжал жирный боров, мерзко осклабясь. – Давеча хозяин не дал мне с тобой позабавиться, времени, дескать, нету. Но он не запретил это сделать, когда работа закончится. Вот потому-то я здесь! Да ты не бойся, пытать не буду. *Пока* не буду! Я пришёл, чтобы дать тебе последнюю радость в этой жизни! Оцени мою доброту.

С этими словами он развязал несколько шнурков "королевской мантии" и обнажил девушку снизу до пояса. Она не сопротивлялась, всё равно затёкшее тело было не способно на это. Палач поднял её с пола, положил на жёсткую тюремную койку, а сам лёг сверху, натужно сопя и воняя смесью чеснока и перегара.

– Правильно, вот так и лежи! – приговаривал он, возясь с застёжками своих штанов. – Хорошая девочка! Сейчас я принесу тебе славного дружка.

Маранта почувствовала, что в неё входит нечто твёрдое и толстое, вроде полена, но вместе с тем она ощущала, как омертвевшие мышцы начинают оживать и кровь пульсирует в них, а изнутри в живую плоть будто вонзаются сотни тонких иголок. Поняв, что может двигаться, девушка подняла ноги и скрестила их за спиной своего насильника, сцепляя в замок.

– А ты страстная! – с удивлением сказал тот, не переставая ритмично двигать тазом. – Признаться не ожидал такого... АААААААААААА!!!

Тело палача взметнулось вверх, а руки судорожно пытались отодраться от себя вцепившуюся в него фурию! Мощные мышцы её лона, натренированные с помощью специальных упражнений, сжали, словно тисками его мужское достоинство, а острые зубы, тем временем, вцепились в сонную артерию!

Следующим рывком палач смог-таки отшвырнуть от себя Маранту. Она отлетела к стене, ударилась затылком, но не почувствовала боли. Выплюнув кусок отхваченной зубами плоти, девушка подпрыгнула, словно пружина и отточенным, многолетними тренировками, движением, врезала твёрдой, словно копыто, пяткой в бульдожью челюсть палача, пытавшегося зажать бьющий из горла фонтан крови! Раздался хруст ломающихся шейных позвонков и огромный, как буйвол, мужик, бесформенным мешком осел на пол. Некоторое время он ещё булькал, пускал кровавые пузыри и выпучивал глаза, но вскоре затих.

Маранта осмотрелась. Дверь в камеру закрыта, но на поясе у дохлого мерзавца висела связка ключей. Отлично! Теперь надо найти способ избавиться от смирительной рубашки под названием "королевская мантия". Название это было дано ей неспроста. В отличие от обычной смирительной рубашки, она спелёнывала всё тело, не давая ни малейшего шанса шевельнуться.

Правда сейчас нижняя часть "королевской мантии" была развязана и девушка могла ходить, но руки всё ещё оставались намертво примотанными к туловищу.

Попинав немного тело палача, пленница быстро нашла то, что искала – широкий тяжёлый нож, способный служить коротким мечом в опытных руках. Теперь оставалось придумать способ достать его и разрезать многочисленные шнуры "королевской мантии". Первое оказалось не таким уж сложным. Пальцами ног Маранта, с четвёртой попытки, смогла вытащить это оружие из ножен. Второе было намного сложнее. Она пыталась пристроиться и так и этак, но никак не могла найти удобное положение для выполнения задачи. Время поджимало. С минуты на минуту сюда могли заглянуть другие тюремщики, а со связанными руками много не навоюешь. И тут ей пришла в голову некая сумасшедшая идея! Впрочем, как показывает практика, безумные идеи частенько срабатывают, как раз тогда, когда отчаянное положение не оставляет человеку выбора.

Маранта легла на пол и осторожно взяла зубами нож за обушок клинка. Потом она поползла к телу палача, лежащего на спине, и попробовала вставить нож рукояткой ему в открытый рот. Это у неё не получилось, и нож со звоном упал на каменные плиты. Так, не сдаваться! Проведя всю операцию заново, она, наконец, смогла добиться желаемого – нож торчал из открытой пасти мертвеца клинком вверх. Теперь оставалось надеяться, что он не выпадет, когда она будет резать проклятые шнуры.

Прошло не менее получаса, когда девушка почувствовала, что железные объятия "королевской мантии" наконец ослабли. Но тут её охватил настоящий ужас: затекшие руки не шевелились! А вдруг они не оживут вовсе? Спокойно! Паника, это гибель. Маранта принялась тереться локтями и спиной обо что попало – о стены, о стол, о койку. Смирительная рубашка размоталась и теперь висела мешком, но это ей было всё равно. Главное, что в онемевших мышцах появилась весьма ощутительная боль, а значит, они были ещё живы!

Вскоре она совсем сбросила проклятую тряпку и обнаружила, что больше никакой одежды на ней нет. Плевать! Ещё до её прихода в Гвардию они с девчатами неоднократно практиковали тренировку обнажённого боя в отдельном зале и прекрасно знали при этом, что парни наблюдают за ними сквозь все возможные щели и дырки в стенах. Не напрягать же на себя обратно эту дрянь? Заимствовать пропитанную кровью и вонючим потом рубашку палача, тоже не хотелось. Она раздобудет себе что-нибудь, когда выйдет отсюда.

Маранта вытащила нож изо рта трупа, вытерла его рукоять и сняла с жирной дохлятины пояс с ключами и ножнами. Конечно, надеть его на свои бёдра не получилось – в этом ремне не было бы тесно четверем, таким как она. Ничего, его можно было перекинуть через плечо!

Катастрофа поджидала её в другом месте – ни один из ключей не подходил к замку камеры! Как это? Ведь он же как-то сюда вошёл? Или дверь ему открыл кто-то другой? В любом случае надежда, быстро отсюда выйти, провалилась.

Девушка села на койку и задумалась. Похоже, вырваться не удастся. Что ж, тогда она захватит с собой столько тюремных крыс, сколько сможет, а там будь, что будет! В задумчивости она подобрала хлебную корку, упавшую со стола во время борьбы и принялась грызть её, рискуя сломать зубы. Вдруг в коридоре послышался шум. Вот хорошо, что не пришлось долго ждать! Маранта сжалась в углу, взяв нож наизготовку. Связка ключей тоже могла пригодиться: такой штукой запросто можно проломить череп, если он не защищён шлемом.

Шум в коридоре приближался. Теперь стали слышны шаги двух пар ног и разговор. Точнее шагали только две ноги, две другие вытворяли какой-то танец – то начинали дробно стучать, то прыгать, то вообще шаркали, будто их кто-то волок. Разговор был под стать этим шагам – спокойно говорил только один голос, другой скулил, заикался и повизгивал. Шаги остановились напротив её камеры. Маранта напряглась, как пантера, готовая броситься на вошедших.

– Это здесь? – спросил первый, спокойный голос.

– Здесь, ваше превосходительство! Величество! Высочество! Сеньор разбойник! Только сюда сейчас нельзя! Там у неё господин Главный королевский палач!..

– Посмотрим! – сказал спокойный голос, после чего раздался сдавленный крик и звук падения чьего-то тела.

Замок щелкнул, и дверь в камеру со скрежетом распахнулась. На пороге стоял *он!* Маранта не верила своим глазам! Золас был в своей чёрной широкополой шляпе с золотой пряжкой, и хоть одежда на нём была рваная, но за спиной торчал ствол знаменитой винтовки, а в поясных кобурах красовались, устрашающего вида, револьверы.

– Ого! – сказал он, обведя камеру изумлённым взглядом. – Я вижу, ты здесь и сама неплохо справляешься!

– Но ведь ты, кажется, не собирался бежать? – спросила Маранта, которой больше всего сейчас хотелось броситься на грудь своего любовника и разрыдаться.

– Да я вот подумал, а почему бы и нет? Ведь если просто дать себя повесить, то лучше не будет. К тому же охрану из Гвардии вдруг заменили на обычную стражу. Гвардии, видишь ли, теперь не доверяют! Возможно, в этом есть наша с тобой вина, а может, здесь только ждали повода, чтобы сделать переворот.

– Обо мне-то как узнал?

– Допросил кое-кого. С пристрастием! Но мы заболтались. Потом поговорим, давай-ка выбираться отсюда. Кстати, это кажется твоё?

С этими словами он протянул ей её собственную скьявону вместе с портупеей. Девушка вцепилась в любимое оружие, словно ребёнок в мешок с конфетами и мгновенно застегнула на себе расшитое бисером ременное хитросплетение.

– Потрясающе выглядишь! – заявил разбойник без всякой иронии и потянул её за собой в коридор, где у порога камеры валялось тело ещё одного тюремщика, только тщедушного, но тоже со сломанной шеей.

Глава 9. Знамя королевства

Дворец гудел, как улей, в который угодила тлеющая головня. В окнах мелькали огни, а по стенам носились какие-то силуэты, в которых нетрудно было узнать переполошенных стражников. За воротами кто-то на кого-то орал хриплым голосом. Охрана у ворот была удвоена, а потом зачем-то утроена. Всё это происходило на фоне тёмного спящего города, жители которого привыкли не проявлять излишнего любопытства раньше времени, ведь все новости можно узнать наутро в трактире.

Вдоль стен, почти сливаясь с ними, скользили две фигуры. Они скользили бесшумно, выбирая самые затенённые места, что было несложно на тёмных улицах города. Но вот, эти двое, словно тени, скользнули в узкий проулок похожий на щель между домами в которую может протиснуться разве что кошка. Тень, что шла первой, была повыше и носила широкополую шляпу, на которой иногда что-то поблёскивало в свете звёзд. Вторая была ниже ростом и тоньше. Её форму почти нельзя было разглядеть, так-как она была завёрнута во что-то длинное, наподобие плаща с капюшоном.

Наконец они остановились возле низенькой двери на задворках приземистого, но очень широкого строения. Тот кто шёл первым, приблизился к этой двери, но не постучал, а казалось, исполнил на её поверхности какой-то сложный ритуал, состоящий из негромких ритмичных ударов и странных поскрёбываний. Когда он закончил, наступила тишина, нарушаемая лишь отдалённым гвалтом, доносящимся со стороны дворца. Наконец в доме что-то скрипнуло, и откуда-то сверху раздался приглушённый и очень удивлённый голос:

– Ты?!!

– Нет, это мой призрак! – насмешливо отозвалась первая тень. – Открывай, не тяни, со мной здесь дама!

Тихо щёлкнул замок, и дверь бесшумно отворилась. Двое вошли в коридор, освещённый тусклым светом масляной лампы, в руке невысокого шуплого человека в котором любой из жителей города сразу узнал бы трактирщика.

– Я думал, тебя повесили! – сказал он, во все глаза, глядя на вошедшего и его спутницу.

– Не вырос ещё тот лен, из которого сплетут верёвку для моей шеи! – ответил тот. – Но льняное семя едва не бросили в землю. Короче! Нам нужно выбраться из города...

– Никак нельзя! Всё что можно перекрыто, даже канализация.

– Тогда необходимо залечь где-нибудь пока стража не успокоится.

– Это можно! Я устрою вас в подвале, но не здесь, а по соседству. Там тепло и сухо, даже есть хорошая постель без клопов и блох, а пропитание я обеспечу.

– Превосходно! А ещё, достань нам какую-нибудь одежду. Моя, как видишь, совсем поизносилась, а у неё...

– Боже, что это? – сказал трактирщик, во все глаза, уставившись на то, во что была завёрнута женщина.

– Королевское знамя, что же ещё? Мы позаимствовали его из тронного зала, когда удирали. Не бог весть, какая тряпка, но всё же лучше чем ничего! Достанешь ей приличное платье, так я эту дрянь с удовольствием сожгу.

Глава 10. Лучшее лекарство

– Да, удружил нам атаман! И на что ему эти бабы? Ни кашу сварить не умеют, ни козу подоить! Аристократки... Тьфу! Ходят, фыркают. Вот скажи мне Зиг, как ты свою-то терпишь?

На заросшем мягкой весенней травой пригорке сидели два парня. Один, белоголовый, как ромашка и веснушчатый, с соломинкой в зубах, босой, одетый в просторную грубую рубаху и шаровары. Другой, темноволосый, с преувеличенно серьёзным лицом, в кожаной безрукавке на голое тело и драных зелёных штанах, заправленных в такие же драные сапоги. Первый что-то выстригивал ножиком из осинового ветки, второй любовно поглаживал старый дробовик, лежащий на коленях. Невдалеке паслось смешанное стадо из коз, овец и двух коров возглавляемых рыжим быком.

– Мне её атаман поручил, – ответил тот, которого назвали Зигом. – Ты знаешь, я за атамана, хоть к чёрту в зубы пойду. А если по совести, то вот она у меня где! Лежит целый день, стонет...

Он показал характерный жест, постучав себя ладонью по горлу.

– Так оставил бы её этим ... – Белоголовый парень грязно выругался, кивнув в сторону нескольких палаток, стоявших в лагере особняком. – Это же их товарка, пусть они её и выхаживают!

– Не могу я, Вань! Приказ есть приказ. Вернётся атаман, прикажет её с маслом зажарить, так я и зажарю, а пока я должен выполнять то, что он сказал мне тогда, в последний раз. Должен и баста!

– А что он сказал-то?

– Он сказал: "Зигель, помоги ей!"

– И ты из-за этого паришься? Атаман имел в виду – "помоги дойти до лодки", или ещё что-то в этом роде! Брось эту дуру и делом займись. Мужики поговаривают, вроде обоз купецкий на днях ждать надо, а у тебя вон какая пушка! Самое время попробовать!

– Не, я так не могу. – Парень с ружьём встал и потянулся всем телом, собираясь уходить. – Тебе не понять. Атаман мне больше чем отец, атаман сказал – Зигель сделал!

– Так ведь он ещё может и не вернётся... Ой, ты чего?

В веснушчатый нос белобрысого упёрлись стволы дробовика, а его недавний собеседник стоял над ним и глаза его метали молнии. Так прошло две долгих секунды, потом Зигель вздохнул, убрал дробовик и зашагал по тропинке в сторону лагеря, бросив коротко через плечо:

– Он вернётся!

Путь его был недолог. Лагерь, состоявший из наскоро построенных хижин, шалашей и латанных-перелатанных палаток, был аккуратно спрятан между холмов, на которых день и ночь дежурили невидимые дозорные. Всё было устроено так, что даже с двадцати шагов нельзя было разглядеть, что здесь живут люди. Зато в самом лагере кипела жизнь, повсюду деловито сновали женщины, бегали дети, готовилась на кострах какая-то еда, стучали топоры, лаяли собаки, хрюкали свиньи и блеяли овцы.

Зигель уверенно вошёл в этот маленький мирок, приветливо махнул угрюмому бородачу-часовому, стоявшему на околице со страшной дубиной в руках, и направился к знакомой палатке, в которой располагалось его "особое задание". Проходя мимо ряда таких же палаток, он услышал перешёптывание и приглушённый смех. Несколько раз в дырках и разрезах палаточной ткани мелькнули любопытные глаза, и смех снова повторился.

"У, бездельницы!" – подумал юный разбойник. – "А ведь Ванька прав, их бы хворостинной, да на работу! Ну, ничего, атаман вернётся, тогда всё будет по-другому!"

Ещё пара шагов и он вошёл в палатку, где на мягком ложе, устроенном из шкур и трофейных подушек, полулежала молодая женщина, одетая во что-то, наскоро сварганенное из

простыни. Увидев вошедшего Зига, она откинулась на подушки и жалобно застонала. Мальчик положил свой самопал на миниатюрный комод, стоящий у входа, подошёл к больной и заботливо поправил подушку у неё под головой. Если бы кто-нибудь сейчас увидел его лицо, то мог бы заметить основательное расхождение между словами, сказанными накануне и тем выражением, которое сейчас на нём присутствовало.

– Ну как вы? Как себя чувствуете? – спросил парень, невольно бросая смущённый взгляд на стройную, полуобнажённую фигуру.

Ответом ему был всё тот же жалобный стон.

– Опять ничего не ели, – с упреком в голосе сказал Зиг, увидев на маленьком столике возле постели тарелку с нетронутыми варёными овощами, которыми всюю угощались мухи. – Для кого я всё это готовлю? Надо кушать, а то сил не будет для выздоровления!

С этими словами он взял с тарелки кусочек свёклы и попытался вложить его в полуоткрытый рот больной, но женщина только стиснула зубы и застонала ещё громче и жалобнее.

– Что такое? Где болит? Вот напасть-то!

Всерьёз обеспокоенный Зиг взял свою пациентку за руку, чтобы пощупать пульс. Рука была тёплой, слегка влажной и такой нежной, что у парня почему-то перехватило дыхание.

"Какая она красивая!" – вдруг подумалось ему против воли и он, даже на миг забыл про то зачем сюда пришёл, залюбовавшись ангельским лицом на котором почти прошли синяки.

– Болит... – пролепетали розовые губы лежащей перед ним девушки. – Здесь... болит!

При этих словах она потянула мальчика за руку и положила её себе на грудь. Зиг почувствовал под ладонью упругую мягкую плоть, отделённую от его руки лишь тонкой прослойкой ткани и от этого ощущения его вдруг бросило в жар. Он хотел отнять руку, но женщина держала крепко.

– Чувствуешь? Вот тут!

Она взглянула на него из-под полуопущенных век своими томными васильковыми глазами и распахнула широкий вырез импровизированного одеяния. На сей раз под, вмиг вспотевшей, рукой Зига оказалась нежная, как лепесток розы и такого же оттенка кожа. Эта кожа покрывала некие, совершенной формы, холмики, увенчанные тёмными сосками, от вида которых у парня закружилась голова.

– Нет, не так. Приложи ухо!

Зиг, уже плохо соображающий, что делает, положил свою голову на грудь женщины, и она тут же прижала её к себе обеими руками. Он услышал частый-частый стук сердца, а в нос ему ударил сводящий с ума запах – смесь яблока, молока и молодой кожи с примесью чего-то цветочного. Он сам не понял, как случилось, что его губы слились с её горячими губами и как они оба вдруг оказались совсем без одежды.

– Но ты же больна! – пробормотал мальчишка, которого била лёгкая дрожь.

– Да! И ты – моё лучшее лекарство!

– Но ты же девушка атамана! – решительней сказал Зиг, пытаясь отстраниться от расплывшейся девицы.

– Не думай об этом! – ответила она ласково. – Здесь все девушки были девушками твоего атамана, но мы все свободны, и он это знает и понимает, как никто другой. Золас конечно лучший, но ты так хорош! Ты юный, красивый, ласковый, заботливый и... и мой! Иди сюда!

С этими словами она притянула мальчика к себе и больше уже не отпускала. Зигель знал, что сейчас с ним происходит, хоть у него это было впервые. Знал он и о пристрастиях своего атамана к молодым красоткам, и о его широких взглядах, и потому он больше не сомневался, а когда его мужское естество погрузилось в жаждающее лоно юной самки, в нём проснулся такой дикий и необузданный зверь, что вскоре её громкие, сладкие стоны услышал весь лагерь.

Глава 11. Способная ученица

– Своих родителей я почти не помню. Они погибли, когда мне было лет шесть, и единственное, что осталось в памяти, это сплошной огонь и истошные крики вокруг. Помню меня схватила какая-то старуха, волосы которой горели, а лицо было до того страшным, что её я испугалась больше чем огня и криков. Она-то и вытащила меня из пылающего дома, но больше я её не видела, даже не знаю, кто она мне, откуда взялась и куда делась. Я оказалась совершенно одна на улице горящего города и то, что меня попросту не затоптали, само по себе чудо.

А потом... потом наступил рассвет наполненный дымом и слезами. Оставшиеся в живых жители потеряно бродили среди развалин и пытались разглядеть что-то в обгорелых остовах своих домов. Но даже среди такой беды находятся те, кто может помочь ближнему и направить людей не знающих, что делать и как дальше жить. Кто-то организовал разбор завалов, этим занялись мужчины и женщины, а нас, детей оставшихся без родителей, собрала суровая, неулыбчивая тётка, которая сперва показалась мне очень злой.

Потом было долгое путешествие на трясуцей телеге, корка хлеба в качестве еды на весь день, постоянный плач и теснота. Несколько самых младших умерли по дороге. Нет, с ними обращались не плохо, просто нас было много, а еды мало вот и вся арифметика. Так я оказалась здесь в этом городе, где Лоргин, приказал устроить приют.

Когда нас грязных и измученных высыпали из телеги, смотритель приюта схватился за голову, но место нашлось для всех, каждый был отмыт и накормлен в этот же день.

И потянулись для меня годы жизни за приютским забором. Грех сказать плохое о том времени. Да, мы не знали обуви, и наша одежда висела лохмотьями, но нас кормили и учили, как могли. Девочек – стряпне и шитью, а мальчишек всяким простым ремёслам. Тот, кто хотел, мог научиться грамоте, но таких было немного, и я оказалась среди этих немногих. А ещё, меня и нескольких моих подружек стали привлекать мальчишеские уроки воинского искусства, которые преподавал старый одноглазый охотник.

Поначалу нас оттуда гоняли, потом ради смеха дали попробовать стрельнуть из лука и помахать мечом, а в конце концов стали учить наравне со всеми. В двенадцать лет я уже кое-что умела, а однажды в приют явился толстый мордатый дядька и долго беседовал с нашим учителем. Они часто посматривали в мою сторону и, в конце концов, этот толстяк подозвал меня к себе и спросил, не хочу ли я пройти настоящее обучение в школе воинов? Я обрадовалась и сразу согласилась, дурёха.

Это было особое заведение, которым заправляла женщина без имени. Её называли просто – Наставница. Вот, где мне показалось небо с овчинку! В эту школу, кроме меня, взяли только двух парней из нашего приюта, из девочек туда попала я одна. Через пару месяцев обоих парней отчислили, а я осталась. Короче, поначалу это был ад. Нас учили не просто владеть оружием, а убивать любыми предметами и голыми руками. Приучали бестрепетно переносить сильную боль, голод, жажду, унижение. За малейшую провинность или просто за плохо выполненное задание нас нещадно пороли, лишали еды и сна. Выдержали немногие. Зато уже к шестнадцати годам мы превратились в боевые машины, способные в одиночку противостоять целому отряду хорошо вооружённых и обученных воинов.

– Я знаю про эту школу.

Золас протянул руку к кувшину и налил всем вина.

– Я тоже про неё слышал, – сказал трактирщик, заморожено слушающий рассказ Маранты. – Но, кажется, её больше нет?

– Да, её больше нет, – ответила девушка и отхлебнула из своей чаши. – Её закрыли по приказу Лоргина.

– Ещё бы! – пояснил Золас с видом знатока. – Ведь там готовили наёмных убийц, и делали это под самым носом у властей. Эту школу не просто закрыли, её разгромили.

– А ты откуда знаешь? – Маранта взглянула на него с подозрением.

– Я участвовал в этом, – был ответ.

В повисшей над столом тишине громом прогремела выроненная девушкой чаша.

– Так ты...

– Тогда я служил в Гвардии Лоргина и был в чине капитана. Существование этой школы несло угрозу государству, и Лоргин был совершенно прав, когда приказал её ликвидировать. Да, помнится, немало народу полегло, прежде чем мы смогли нейтрализовать старших и запечатать младших адептов, но хуже всего было драться с вашими учителями. Один этот толстяк положил человек пять моих воинов, прежде чем мне удалось всадить ему в лоб арбалетный болт. Что он у вас преподавал?

– Он ничего не преподавал, он только выискивал, где мог, самых способных детей и привозил в школу.

– Нда. А вот тебя я среди пленников не помню.

– Это потому, что я и ещё несколько наших, сбежали вместе с Наставницей, пока вы там вязали остальных. К тому времени я входила в узкий круг избранных состоящий из «лучших из лучших».

– Подумать только, какие мы важные!

– Ну да, а выражалось это в том, что с нас втройне спрашивали и в десять раз больше гоняли.

– А что было дальше? Я знаю, что в Гвардию ты вступила в восемнадцать лет. Где болталась ещё два года?

– Мы тогда уехали из столицы и поселились в пограничном городе. Наставница открыла там трактир, в котором мы все поначалу работали, ну а потом разбрелись кто куда. Я вот в Гвардию вступила.

– А я вот как раз тогда из неё вылетел!

Золас сказал это таким голосом, словно сообщил что-то весёлое, но в глазах у него сверкнули недобрые искры.

– Я вот не никак не пойму, – спросил трактирщик, – как же случилось, что такой опытный воин, как вы, Маранта, попал в лапы королевских палачей, дал себя связать и всякое такое...

– Я думаю это сделал кто-то из наших, – ответила девушка задумчиво. – Почерк моей старой школы. Только врядли это кто-то из тех, кого я знала. У Наставницы были способные ученики и до и после меня.

– Так она не бросила своё занятие?

– Не бросала, пока не умерла в прошлом году. Я ведь до конца навещала её при каждом удобном случае. И каждый раз она учила меня чему-то новенькому.

– Любопытно чему такому она могла тебя ещё научить? – любопытствовал Золас.

– Не всё, знаешь ли, предназначено для мужских ушей.

– Понятно! Проехали. Теренций, достань-ка ещё кувшинчик!

Последняя реплика была обращена к трактирщику, который тут же исполнил просьбу.

– Пожалуй, я вас оставлю. – сказал он, берясь за корзинку, с которой пришёл в тайное убежище. – Дела, знаете ли. Моё отсутствие не должно быть замечено. Скажите только на прощанье, что вы всё-таки собираетесь делать с этим знаменем?

– Я же говорил – в печку!

– М-мм, такая хорошая ткань...

– Ну, так возьми его себе на половик!

– Идёт!

Глава 12. Достойная награда

На этом добрый трактирщик удалился, прихватив с собой королевский штандарт. Он миновал короткий коридор, где приходилось низко наклонять голову, почти становясь на четвереньки, открыл крохотную дверь неотличимую от остальной стены и оказался в погребе, уставленном ларями и бочками. Теренций передвинул массивный ящик, так, чтобы он совсем загородил проход, отряхнулся, одел свою корзинку на сгиб локтя и чинно вышел в торговый зал просторной лавки, под которой и находился приют беглецов.

– Благодарю, Порфирий! – обратился он к хозяину, занятому с несколькими клиентами. – Я нашёл на твоём складе всё, что мне нужно. Получи плату, почтеннейший!

С этими словами он подал лавочнику небольшой мешочек, в котором что-то звякнуло, чинно раскланялся и вышел на улицу. Теренций беспрепятственно дошёл до своего трактира, не замечая, что за ним наблюдают чьи-то внимательные, злые глаза. Он привычным движением распахнул знакомую дверь и целую секунду созерцал совершенно пустой зал, который в это время дня должен был быть полон народу.

В следующее мгновение Теренций получил сильный удар в спину, от которого растянулся во весь рост и выронил корзинку. Ему грубо заломили руки за спину и зачем-то наступили на шею, хоть он и так не мог сопротивляться.

– Карась попался, попадётся и щука! – пропел сверху вкрадчивый и одновременно визгливый голос. – Поставьте-ка его на ноги.

Трактирщика вздёргнули вверх, словно мешок с мукой. Теперь он мог видеть, что происходит вокруг. А вокруг происходило вот что: зал его заведения был полон стражей, его самого держали два здоровенных амбала с крайне тупыми рожами, а всем этим командовал мелкий седенький человечешко похожий на крысу.

– Та-акс! Значит трактирщик Теренций, да? – пропищал этот уродец. – Ну и куда ты ходил сейчас, трактирщик Теренций, когда тебе надо было быть здесь и обслуживать клиентов?

– Я ходил за покупками... э-э, ваше превосходительство! – ответил Теренций, у которого звон стоял в ушах после падения, а мысли метались с лихорадочной скоростью.

– Значит за покупками? И что же ты купил?

Ледяные мурашки побежали по спине трактирщика. Он понял, что сейчас произойдёт непоправимое.

– Я купил... ткань, – сказал он, стараясь не выдать себя дрожью в голосе, – ткань, жене на платье.

Крысоидный человечек подобрал его корзинку и приподнял крышку.

– Действительно, ткань, – сказал он с некоторым удивлением. – Дорогая ткань, видно платье задумано праздничное.

С этими словами он отшвырнул корзинку в угол, принял грозный вид и проорал в лицо Теренцию:

– А теперь говори, собака, кого ты принимал у себя вчера ночью и куда ты их дел?! Не вздумай отпираться: тебя видели, их было двое, один высокий в шляпе, другой поменьше в плаще! Очень похоже на тех государственных преступников, которые сбежали из-под стражи. Если всё расскажешь, то тебе гарантировано прощение. Будешь отпираться – повесят!

– Я ничего не знаю, ваша светлость! – пролепетал трактирщик, умело изображая испуг и повысив на всякий случай "титул" крысоидного командира. – Вам наверно кто-то неправильно донёс! Я законопослушный гражданин, меня весь город знает! Спросите любого...

– Хватит! – отрезал плюгавый начальник. – Лейтенант Мохель! Этого на допрос в холодную, здесь всё заколотить и опечатать! Заведение закрыто. Да, и выдайте стукачу Деносию вознаграждение. Он там позади дома дожидается.

Эти распоряжения были исполнены с удивительной точностью – беднягу Теренция уволокли по направлению к зданию полиции, двери трактира забили крест-накрест досками, после чего наложили на них сургучную печать с королевским гербом. После этого один из стражников прошёл на задний двор, где его дожидался долговязый человек с очень добрым и приветливым лицом. В нём любой мог бы узнать одного из завсегдатаев трактира.

Они поздоровались, пожав друг другу руки, затем стражник вытащил из кармана мешочек с золотом и принялся отсчитывать награду. Вдруг один из жёлтых кругляшей нечаянно выскочил из грубых пальцев стражника и откатился прямо к ногам, переминавшегося в нетерпении, стукача. Тот улыбнулся и наклонился, чтобы подобрать его. Он ещё услышал, как прогудел воздух, распарываемый могучим кулаком, когда удар сверху вниз по затылку навсегда избавил его от иудиних соблазнов, как впрочем, и от жизни. Стражник брезгливо перевернул труп носком сапога, забрал последнюю монету и удалился.

Глава 13. Ещё одна сторона любви

– Значит, нас тут считают аристократками? – Галанта рассмеялась звонко и весело. – Глупыш! Среди нас нет ни одной аристократки! Мой отец был поваром, а вот, например Ния, жена советника по вопросам торговли, дочь сапожника, Ивонна, моя подруга – дочь портнихи и ломового извозчика! Откуда в королевстве Лоргина взяться аристократии? Он ведь сам когда-то был то-ли лавочником, то-ли разносчиком!

– Но как же так получилось? – Зиг всё никак не мог взять в толк то, что услышал от своей возлюбленной. – Как же так оказалось, что вы все стали жёнами таких шишек?

– Нет ничего проще! Нас всех купили. Да, да купили! У этих, как ты сказал, шишек, куча денег, вот они и нахватили себе баб из тех, что получше. Не так просто, знаешь ли, отказаться от жизни в довольстве и сытости, когда всё детство проводишь полуголодной и в драных обносках.

– Так что же вы, уж прости за откровенность, от таких мужей...

Зиг замялся и покраснел. Галанта снова рассмеялась.

– Ты хочешь сказать, почему мы, ни в чем, не нуждаясь, ходили налево? Заводили любовников? Как же ты ещё мал! Это всё потому, что у нас не было главного – счастья! Никто из нас своих мужей не любил, да и что там было любить? Почти все они были стариками, а если и не совсем стариками, то лет на двадцать старше уж точно. Моему, правда, было около тридцати, но ты бы его видел! Плюгавый, желчный, занудный, с волосами сальными и в мелких гаденьких очочках. Вечно мне морали читал, всё время подозревал в чём-то! Даже когда ещё не в чем было подозревать.

– Значит, богатство счастья не даёт?

– Точно! Не даёт. Конечно, богатство это хорошо, но к нему ещё многое что нужно, чтобы чувствовать себя счастливой. Женщине, например, нужна ласка, внимание, любовь... Хотя бы плотская, если нет такой о которой мы мечтаем, будучи девочками. Я мужа не видела по нескольку недель, а когда он, наконец, появлялся, то всё было так сухо и пресно, что и вспоминать не хочется.

– Понятно! А как вы познакомились с Золасом?

– Много будешь знать, скоро состаришься! Скажу только, что он был не первый мой любовник, а какая я у него была по счёту, об этом он и сам, наверное, не знает!

– А тебе никогда ни хотелось быть счастливой с кем-нибудь одним?

– Хочешь хороший совет? Никогда не держи женщину крепко, не владей ей, как собственностью! Нормальная баба от тебя – сильного, умного, красивого и заботливого и так не уйдёт, а если ушла, то либо ты не такой, либо она не та, что нужна тебе! Понял?

"Какая она! – подумал Зиг. – А ведь всего на четыре года меня старше!"

– Я не хочу никаких других баб! – сказал он. – Я тебя люблю!

Галанта нежно прижала его голову к своей груди.

– Какой же ты всё-таки хороший, но какой маленький! Не обижайся! Твоя настоящая любовь, наверно сейчас ещё в куклы играет, а пока, ты можешь быть счастлив со мной или с кем-нибудь ещё!

– Как это?

– Очень просто! Ты весь горишь, а мне как раз нужен отдых. Что же нам делать? Звать на помощь, конечно же! Ивонна, войди!

На зов Галанты в палатку вошла женщина, которая показалась парню ослепительно красивой. Тем не менее, Зиг готов был, сквозь землю провалиться, ведь, не стесняясь своей любовницы, он был в её объятиях совершенно голый! Не зная, что делать, мальчик рванулся сначала к своей одежде, потом попытался натянуть на себя покрывало на котором они лежали. И то и другое у него не получилось.

– Да успокойся ты, дурачок! – воскликнула Галанта, удерживая его с неожиданной силой. – Зачем стесняться того, что у всех одинаково? Да, мы все так устроены: разделены на две половины – мужчины и женщины, третьего не дано. Те и другие прекрасно знают, что находится друг у друга под одеждой, и что толку в таком случае прятаться? Не бойся, Ивонна моя лучшая подруга, она всё о нас знает и ничего плохого не сделает!

Вошедшая девушка улыбнулась и села на пол, поджав под себя ноги, прямо напротив ошалевшего Зига. Она была одета в полупрозрачный пеньюар, сквозь который была видна высокая грудь такая же совершенная, как у Галанты, но ещё большего размера. Ни говоря, ни слова, она положила руку на мужское достоинство парня и принялась нежно его поглаживать.

– Но?! – Снова дёрнулся Зиг, но Галанта держала крепко.

– Не бойся! Я не ревнива! – прошептала она ему на ухо и игриво лизнула мочку.

Ивонна, между тем, не прекращая своих движений, наклонилась и взяла нежными губами верхушку, взметнувшегося к небесам, органа. Ужас охватил Зига! Он не понимал, что с ним сейчас делают, так-как никогда даже не слышал о подобных вещах. Но вместе с тем, мальчик почувствовал вдруг такое острое наслаждение, какого не испытывал даже в объятиях Галанты! На миг сознание его померкло, и он выстрелил мощную струю семени прямо в горло своей новой любовнице. Та поперхнулась, откинулась назад, выпустив изо рта, продолжающий фонтанировать член, но тут же выпрямилась и, с прежней улыбкой, вытерла губы, покрытые белой жидкостью.

– Bravo! – воскликнула Галанта, захлопав в ладоши. – Ивонна своё дело знает, вот только слова от неё лишнего не добьёшься! Нет, нет! Не торопись, это ещё не всё! Главное впереди, а все, что было до этого, так, разминка!

– Но зачем?..

– Затем, чтобы ты в самый ответственный момент не закончил то, что надо ещё продолжать и продолжать! Не теряйте времени, дети мои! Пожалуйте сюда!

С этими словами Галанта встала, уступая любовникам своё ложе, а сама устроилась рядом, глядя на происходящее горящими глазами. По-прежнему молча, Ивонна одним движением освободилась от пеньюара, потом взяла Зига за руки и потянула на себя. Парень прикоснулся к ней, поначалу робко и неуверенно, а затем схватил в объятия и лёг сверху. Женщина охнула, впуская его в своё лоно, закинула ноги ему на плечи и закрыла глаза от нахлынувшего удовольствия. Над притихшим ночным лагерем снова разнеслась мелодия страсти.

Глава 14. Соответствие образу

– Что ж он так долго не появляется?

Крайне встревоженный Золас, ходил из угла в угол их тесной комнаты. Маранта сидела на кровати и с помощью иголки с ниткой подгоняла принесённую Теренцием одежду. Эх, она бы предпочла что-нибудь облегающее, вроде трико, но трактирщик притащил полный наряд горожанки: широкая юбка, блузка с кружавчиками, распашная кофта, чепец, серая пушистая шаль и пара грубых неудобных башмаков. Этот набор вероятно, до недавнего времени, принадлежал его жене, которая была, мягко говоря, крупнее Маранты. Когда девушка одела всё это на себя, Золас покотился со смеху. Правда ему пришлось остановиться под суровым взглядом воительницы, но Маранта и сама понимала, что выглядит нелепо. Хорошо, что предусмотрительный трактирщик принёс с собой ещё и иголку с ниткой, а то такая маскировка выдала бы её с головой. Славный он малый, этот Теренций, вот только запропастился куда-то.

– Может подняться и спросить у Порфирия? – спросила Маранта, у которой от хождения Золаса уже зарябило в глазах.

– Нельзя, ведь Порфирий думает, что скрывает безобидных контрабандистов и сразу поймет, в чём дело, когда рассмотрит меня повнимательнее!

– А кто сказал, что это надо делать тебе? Меня он не знает, вот я его обо всём и спрошу.

Золас остановился и задумчиво поглядел на свою бесстрашную подругу.

– Хорошо! – сказал он после недолгих размышлений. – Только не ляпни лишнего и оставь здесь свой меч.

– Не люблю ходить без хорошего клинка в ножнах!

– Возьми один из моих револьверов, только спрячь хорошенько. Контрабандисты ходят без оружия, и если мы выдаём себя за них, то надо соответствовать образу.

Маранта послушалась и спрятала оружие в тяжёлых складках юбки. Сказать, как всегда, оказалось легче, чем сделать. Теренций объяснил, как открыть потайную дверь изнутри, но дальше проход загораживал здоровенный и невероятно тяжёлый ящик. Она уже собралась позвать на помощь Золаса, как вдруг в тёмном подвале вспыхнул свет, и тишина вдруг наполнилась голосами и топотом ног.

– Ну, давай показывай! – насмешливо и одновременно издевательски-дружелюбно пропел чей-то тонкий, противный голос.

Этот голос показался Маранте странно знакомым, но она никак не могла припомнить, где его слышала.

– Ч-что показывать, г-господин н-начальник? – ответил дрожащим басом другой голос, который, несомненно, принадлежал лавочнику Порфирию.

– То, что здесь прячешь, дубина! – рявкнул первый голос, вмиг утратив всю свою дружелюбность. – *Всё*, что прячешь! Контрабанду, левый товар, золото, непотребных девок, всё!

Послышался всхлип, а за ним глухой удар, как будто кто-то очень тяжёлый с размаха плюхнулся на колени.

– Ты будешь говорить, падла, или нет!

Последний выкрик сопровождал звук пощёчины.

– Или ты всё скажешь, или мы вздёрнем тебя на дыбу, как твоего дружка Теренция! Ха! Он там уже второй день отдыхает, но я думаю, что вскоре его придётся перевесить в другое место!

Обладатель тонкого голоса мерзко хохотнул, а потом очевидно ещё раз ударил Порфирия, так-как бедный лавочник взвыл, но тут же захлебнулся.

– Пойми ты, дурья голова, мы же всё равно найдём, то, что ты здесь прячешь, – проговорил первый доверительно, но с прежней издёвкой. – Я сейчас прикажу перерыть в этом погребе каждый угол, выпотрошить каждую бочку, каждый ларь! Надо будет, разнесём твой дом по камешку, так что давай признавайся. Может быть, тогда тебя не повесят!

Некоторое время царило молчание. Затем этот тонкоголосый крикнул повелительно: "Сдвиньте в сторону!", и ящик, загораживающий Маранте проход, зашевелился.

«Порфирий не выдержал и кивнул в нашу сторону!» – подумала она и вытащила револьвер.

Её глазам предстала следующая картина: на каменном полу подвального склада стоял на коленях, трясущийся хозяин лавки, которого держал за шиворот ражий детина чем-то смахивающий на покойного палача. Рядом с ним находился щуплый плюгавенький человечек с крысиной физиономией, в котором она узнала одного из командующих королевской стражей. Этот, поседевший на тыловой службе, гадёныш отличался тем, что любил гонять солдат по плацу до седьмого пота, бесцеремонно запускать лапу в общий паёк и строчить доносы на всех окружающих, особенно на Гвардию. По обе стороны от входа стояли ещё двое жлобов.

Маранта зачем-то отметила, что один из них был блондинистый, кучерявый и губастый, с наглыми глазами, выдающими весьма ограниченный ум и большое самомнение, а второй здоровенный, широкоплечий, круглоголовый, слегка раскосый. Последнее, что бросилось ей в глаза, это была обшитая кожей дубинка в руках у крысомордого начальника, вся забрызганная кровью. Лицо лавочника Порфирия было разбито.

Дальше события развивались с невероятной быстротой. Крысомордый открыл рот, чтобы что-то сказать и одновременно указал на отворившийся за ящиком проход, в котором помещалась Маранта. В то же мгновение над ухом воительницы, что-то оглушительно грохнуло, от чего она инстинктивно отпрянула в сторону, больно ударившись о стенку плечом. Голова крысоида взорвалась и фонтаны крови, вперемешку с ошмётками мозга, залили и лавочника Порфирия, и тупорылого детину похожего на палача. Оглушённая Маранта, как в тумане, увидела направленное на неё дуствольное дуло и поняла, что это обрез в руке губастого блондина, а курки этого обреза сейчас будут спущены! Её рука отреагировала быстрее сознания – револьвер Золаса проревел шесть раз, а губастый, продырявленный, как сито, выронил свой обрез и отлетел к противоположной стене подвала. В воздухе сверкнуло лезвие тесака, но тут рядом с девушкой снова грохнуло и круглоголовый напарник губастого рухнул, как подкошенный, судорожно схватившись за пробитую грудь.

Маранта повернула голову и увидела стоящего на одном колене Золаса, в руках которого дымился оленебой. Разбойник что-то сказал ей, но у неё всё ещё звенело в ушах, и она ничего не слышала. Тогда Золас сунул ей в руки свою винтовку и вылез из тайного хода в подвал.

На поле боя, словно памятник, остались, стоящий на коленях лавочник и держащий его за шиворот тупырь, который тарачил на Золаса ничего не понимающие глаза. Знаменитый бандит неторопливо подошёл к нему вплотную и, коротко размахнувшись, врезал в зубы, от чего эта ошибка природы опрокинулась навзничь и замерла, не издав ни звука.

– Что случи...

Дверь, ведущая из подвала в торговый зал лавки, вдруг распахнулась, и на пороге появился стражник с недоумевающим лицом. Золас схватился за револьвер, но Маранта оказалась быстрее: от удара прикладом в живот парень сложился пополам, а ещё один удар ребром ладони по затылку отправил его в страну сновидений.

– Похоже, уйти, по-тихому не удалось? – спросила девушка, возвращая оленебой и револьвер их хозяину.

– Уйти? – искренне удивился Золас. – Мне сейчас рано уходить. Мой друг Теренций в большой беде, а кроме того есть пара неоплаченных долгов. Обер-полицмейстеру, например и ещё кое-кому. Да и вот этого бедолагу надо пристроить.

Он указал на Порфирия, который похоже уже ничего не соображал, а только поскуливал, лёжа на полу.

– Тогда, что же?

– Насчёт себя я ещё не придумал. Но ты, если хочешь, то можешь попытаться уйти, притворившись мешаночкой, которая идёт навестить сестру за городом.

– Нет, я с тобой!

– Вот и хорошо! Тогда сделаем так: вот этих двоих, – он указал на валяющихся в отключке стражника и тупорылого детину, – надо покрепче связать, нашего хозяина умыть и успокоить, лавку запереть. Похоже мы здесь одни и стражи больше нет. Но оставаться нам тут нельзя, ведь рано или поздно в полиции спохватятся, куда это запропастился вот этот гад?

Золас показал на труп с головой разнесённой пулей.

– Ты его знаешь?

– Знаю. Это полковник Мочан по прозвищу "Моча ослиная". Он когда-то написал на меня донос, а убудок, что сейчас у Лоргина ходит в главных прокурорах, вынес приговор за преступление, которого я не совершал. Так что у меня здесь счетов хватает.

– Теперь они есть и у меня. К тем же самым людям.

– Значит, не будем мешкать. Как ты думаешь, его форма мне будет в пору? – Золас указал на вырубленного Марантой стражника.

– В обхвате сойдёт, а по росту коротковато. – Вынесла свой вердикт девушка.

– Придётся рискнуть. Вообще так: я сыграю роль конвоира, а вы с Порфирием будете арестованными. Мы отправляемся в управление полиции.

– Опять ходить без меча!

– Я понесу твой меч, а ты, если хочешь, возьми вон ту бомбарду.

Маранта подняла валяющийся на полу обрез и критически оглядела его. Это оружие было тяжёлым и грубым, совсем не для женской руки, но опытная воительница знала, что с близкого расстояния оно способно наносить страшные раны и буквально в ключья рвать человеческую плоть.

– Ну что, пошли? – спросила она, когда все приготовления были закончены.

– погоди, – ответил Золас, уже переодетый стражником. – Не оставлять же здесь вот это! И он вытащил из-под конторки увесистый мешочек с монетами.

– И вот это тоже!

Вслед за первым последовал ещё один такой же мешочек, спрятанный за выдвижной панелью.

– А это ещё зачем? – спросила Маранта, глядя, как Золас укладывает в корзинку объёмистый окорок и несколько бутылок вина.

– Затем, что стражник, арестовавший лавочника, всегда прихватит с собой что-нибудь из его добра в качестве вещественных доказательств. Ты готова? Так, волосы подбери и заправь под чепец, глаза опусти и сделай испуганное лицо. Можешь пустить слезу или хотя бы сделать вид, что плачешь. Вот теперь хорошо! Пошли!

И они вышли на улицу, толкая перед собой ничего не понимающего Порфирия.

Глава 15. И ещё одна сторона любви

– Ой, что это они делают?

Зиг был до того удивлён, что даже выпустил из объятий Галанту, сидевшую у него на коленях. Кроме них в уютном любовном гнёздышке находились ещё две девушки и сейчас эти девушки были заняты... друг другом! А именно, они обе стояли на коленях и нежно целовались, а их руки в это время скользили по телам, освобождая их от одежды. Миниатюрная, похожая на изящную статуэтку, Ния, взяла в свои маленькие, почти детские, ладони полные груди Ивонны и прижалась к ним упругими, похожими на персики, холмиками. От накатившей страсти обе девушки сладко застонали, но при этом голос маленькой Нии звучал громче и пронзительнее чем глубокие томные вздохи Ивонны. Зиг уже познал любовь с ними обеими и был в курсе, что ненасытная сладострастная Ния во время любовной схватки может впустить в спину партнёра свои маленькие коготки, сжать ногами бёдра до боли и даже впиться зубами в плечо. Как-то раз к их занятиям присоединилась Галанта, и это было здорово, но, чтобы девушки делали *это* друг с другом, такого мальчик не мог себе даже представить!

– Какой же ты у меня ещё ребёнок! – рассмеялась Галанта над его недоумением. – Неужели никогда об этом не слышал?

– Нет, – ответил ошарашенный Зиг, но при этом он вдруг почувствовал, что пикантное зрелище, развернувшееся перед его глазами, будит в нём какие-то новые, ещё более глубокие и сильные чувства.

– Что ж, это способ для девушек обойтись без мужчин, когда их нет рядом. Вот, например, ты здесь один и сегодня я тебя никому не дам, а что же делать бедным девочкам? Вот они и ласкают друг друга, тем более что обе прекрасны и нежны. Почему бы им не получить удовольствие таким способом?

– Но ведь у них нет...

– Чего нет, того нет, это правда! – Галанта вновь рассмеялась. – Но у них есть руки, а кроме того им легче угадать, что хочет подруга. Они могут так ласкать друг друга часами, в то время как даже самый сильный мужчина устанет и выдохнется. Некоторые девушки вообще предпочитают только такие ласки и совсем не подпускают мужчин к себе. Нечто подобное бывает и у парней, но вообще-то, такая страсть считается постыдной и отнимающей мужскую силу. Это конечно их личное дело, но мужик испытывающий тягу к собрату становится женоподобен и уже не интересен для женщин, а вот нам, девушкам, можно всё!

– И всё-таки это, как-то странно!

– Ну, хорошо, спроси сам себя, что ты чувствуешь, когда смотришь на них?

Зиг чувствовал смущение, но вместе с тем, зрелище было настолько необычным, изысканным и красивым, что он невольно ощутил восторг и возбуждение.

– Ну вот! Твоё тело всё сказало за тебя! – нежно прошептала ему на ушко Галанта, лаская рукой мощное орудие с гордо поднятой вверх головой. – Теперь ты видишь, что женская любовь это всегда прекрасно, на кого бы она ни была обращена, даже на такую же женщину! А чтобы девушкам не было одиноко, в следующий раз приводи друзей и ты увидишь, как велика сила нашей плотской любви! Теперь обними меня крепче, мой наивный мальчик, мой сильный мужчина!

Глава 16. Невозможность уйти «по-тихому»

– Стой, стой, стой! Куда это ты ведёшь этих...

Прыщавый юнец в плохо подогнанной форме стражника был до того важен и горд возложенной на него ответственностью, что Маранта едва не рассмеялась.

– Куды, куды! В тюремный блок, вот куды!

Золас так умело изображал неотёсанную деревенщину, что девушке пришлось зажать рот рукой, от чего она громко всхлипнула, но это было расценено, как плачь.

– Нам приказано доставить арестантов, мы доставляем! – продолжал замаскированный бандит.

– Полковник Мочан, что ли приказал?

– Он самый, Мочан и есть, чума его побери, эту мочу ослиную! Отведи, говорит, да помести рядом с Теренцием, я их вместе, когда вернусь, допрашивать буду! А как я узнаю, где держат этого самого Теренция, когда меня только сегодня перевели сюда от северных ворот? А это, кстати, Мочан велел здесь оставить, приду, говорит, заберу!

С этими словами Золас поставил на пол корзинку, в которой, что-то соблазнительно звякнуло.

– Теренция найти? Ну, это не проблема! – Важный юнец вдруг стал приветлив и дружелюбен. – Как раз моё дежурство кончилось, вон сменщик идёт! Пошли, дядь, провожу куда надо.

Произошло традиционное – "Пост сдал, пост принял!", и вся компания двинулась вслед за парнем в нелепо сидящей форме. Они шли запутанными коридорами, где со стен свисали гирлянды оборванных проводов, а с потолка свисали лохмотья мокрой штукатурки. Грозное внешне, здание полицейского управления, изнутри прогнило насквозь и давно нуждалось в ремонте, но на это у государства всё никак не хватало денег. Впрочем, его обитатели и хозяйева, казалось, совсем не тяготились удручающей обстановкой. На лицах служащих играли довольные улыбки, в обшарпанных подсобках весело кипели чайники и даже, шныряющие под ногами крысы, выглядели сытыми и удовлетворёнными. Самозванный провожатый балагурил без умолку, обращаясь к вдвое старшему "коллеге" свысока, насмешливо и покровительственно. Как и следует разговаривать с деревенщиной.

– Всё, пришли, здесь он этот Теренций!

Слегка запыхавшийся, от собственной болтовни, малый указал на дверь, возле которой стоял часовой.

– Ой, спасибо, сынок! – проговорил, расплывшийся в улыбке, Золас, кладя руку на плечо самонадеянного юнца. – Век твоей доброты не забуду!

При этом его пальцы сделали почти незаметное движение, и парень вдруг осел на пол, недоумённо хлопая глазами.

– Чо это с ним? – спросил часовой, глядя, как незадачливый новобранец свесил голову набок и совсем завалился, словно полупустой мешок с ватой.

– Перебрал парниша! – пожал плечами Золас, продолжая разыгрывать простака. – А шо, правда, тот самый Теренций у вас тут?

– Ну да, здесь он, а с этим-то что делать?

– С этим? Ну, в койку его надо, не на полу же оставлять валяться! Слыш, служивый, подсоби!

Золас наклонился, чтобы подхватить бесчувственного парня подмышки. Часовой поколебался секунду, потом прислонил к стене древнее обшарпанное ружьё и взял "пьяного" за ноги.

– А куда?..

Договорить ему не пришлось: Маранта, скромно стоявшая в стороне, ткнула его пальцем где-то за ухом, и он рухнул на тело первого, напоминая такой же мешок с ватой.

– Высший класс, детка! – Улыбнулся Золас, снова становясь собой.

Девушка подёргала ручку бронированной двери.

– Заперто! Может у этого найдётся ключ?

Она показала на вырубленного часового.

– У него? Можешь даже не тратить время на поиски. Часовым ключи не доверяют, забыла? Да и кому в наше время нужны ключи?

С этими словами он порылся в карманах, извлёк какую-то мятую проволоку, распрямил её, сунул в замочную скважину, повернул туда-сюда, после чего замок щёлкнул, и дверь распахнулась, пропев что-то печальное немазаными петлями. Тут настало время восхититься Маранте – для этого человека, похоже, вообще не существовало замков.

Они вошли, толкая перед собой, спящего на ходу, Порфирия, а затем втянули за ноги обоих обездвиженных стражников.

– Они хоть очнуться? – спросила Маранта.

– Мой проспит часов пять или шесть, а потом ещё сутки будет плохо соображать и наткаться на предметы, а за своего «клиента», сама отвечай!

Девушка неопределённо пожала плечами и больше они не возвращались к этому вопросу. За дверью была крошечная темь, но по гулкому звуку шагов можно было понять, что помещение, в которое они попали, довольно просторное. Золас прихватил факел из коридора и теперь поднял его на вытянутой руке. Это была не тюремная камера, это была пыточная! Даже камерой было бы неправильно назвать это отвратительное место.

Правильнее было бы сказать, что они попали в пыточный зал, уставленный замысловатыми приспособлениями в которых угадывались то переделанные столярные верстаки, то спортивные тренажёры. Извращённая фантазия здешних обитателей превратила эти мирные предметы в орудия для причинения адской боли. По-видимому, здесь могли "работать" сразу несколько следственных групп, которым требовалось допросить подозреваемого "с пристрастием".

Однако рассматривать эти, залитые кровью и блевотиной, экспонаты долго не пришлось. Из дальнего угла пыточного зала послышался стон и Золас бросился туда. Маранта последовала за ним, усадив Порфирия на какую-то скамейку. То, что предстало её глазам, заставило шевельнуться волосы даже у этой, повидавшей виды девушки! Обнажённое тело Теренция было растянато вертикально на одном из импровизированных пыточных станков. Его руки и ноги совершенно посинели, перетянутые, глубоко врезавшимися в плоть, верёвками. Всё тело носило следы долгих и изощрённых побоев. Бедняга был ещё жив, но ничего не соображал от боли. Маранта оглянулась на Золаса, и её волосы шевельнулись ещё раз! На главаря бандитов было страшно смотреть – его зубы были оскалены, как у волка, а в глазах было столько ненависти, что казалось, она сейчас выплеснется наружу и затопит это проклятое место!

Взмах ножа и Теренций грузно обрушился вниз. Золас подхватил его, как ребёнка, на руки и перенёс на большой дубовый стол на котором, по-видимому, составлялись протоколы.

– Очнись, дружище! – приговаривал свирепый разбойник и в его голосе слышались слёзы. – Мы тебя спасём! Только не умирай! Нам бы добраться до лагеря, а там... А потом вернусь и растяну здесь и прокурора и обер-полицмейстера и ещё кое-кого!

Маранта подключилась к делу и освободила конечности бывшего трактирщика от остатков верёвок. Отбросив брезгливость, она, изо всех сил, растёрла ему кисти и ступни, думая при этом, что бедняга, даже если выживет, то может лишиться и того и другого. Да, такую жизнь и врагу не пожелаешь, а другу-то и подавно!

– Как же мы его отсюда вытащим? – спросила девушка.

– Я думаю! – буркнул в ответ Золас, который делал над собой усилие, чтобы отвлечься от кровожадных мыслей.

– Я помогу!

Золас и Маранта одновременно обернулись. Перед ними стоял Порфирий, и в его глазах уже не было бессмысленности.

– Порфирий, ты как? – спросил, основательно удивлённый, Золас.

– Бывало и лучше, – ответил лавочник, вытирая широкое добродушное лицо, замызганным платком. – Одно хорошо – я очнулся! Представляете? Ведь всё вижу, понимаю и чувствую, как есть, но поделаться ничем с собой не могу! Душа у меня заячья!

– Человеческая у тебя душа! А теперь выскажи свои соображения, как отсюда выбраться.

– Так же, как и вошли, только с другого входа. Я ж здесь работал ещё в то время, когда Лоргин только корону на себя нацепил! Тут раньше другое заведение было, вроде больницы, а при ней конечно и морг имелся для тех, значит, кого совсем уже вылечили. Так вот, когда здесь полицейское управление сделали, а при нём и тюрягу, для особо опасных преступников, то мертвецкую решили оставить без изменения, на случай если кто-нибудь из этих злодеев копыта отбросит. Впрочем я знаю, как туда пройти, а Теренций, если стонать не будет, точно сойдёт за покойника.

– Отлично! Порфирий, ты голова! Пошли!

Вскоре прежняя компания двинулась по коридорам в следующем порядке: впереди шагала, переодетый в грязную робу и фартук, Порфирий с бесчувственным Теренцием на закорках, за ним с беспечным видом шёл Золас, который снова разыгрывал простака, а замыкала шествие Маранта, постоянно всхлипывающая и прижимающая платок к сухим глазам. Одному небу было известно, как ей надоела эта роль!

– Ты уверен, что помнишь дорогу? – спросил разбойник, когда они пятый раз свернули в очередной коридор.

– Так ведь здесь ничего с тех пор не изменилось! – ответил лавочник. – Только вот то место, откуда мы Теренция забрали, тогда было спортивным залом для сотрудников. Чтобы тренировались, значит!

– Да, теперь там другие тренировки!

– Всё, пришли мы!

Они остановились перед идеально белой и чистой дверью, которая будто бы вела в другой мир, настолько она не подходила к окружающей обстановке. Да так оно, по-видимому, и было. Помещение, в котором оказались спасатели-авантюристы, тоже резко контрастировало с тем, что они видели до сих пор. Здесь всё было белым, и стены, и потолок и даже пол. Возможно, те, кто придумал так оформить это место, хотели исключить в нём малейшее появление грязи, которую сразу было бы видно. Но те, кто владел им сейчас, грязи не боялись. Белые стены, пол и даже потолок были все в красных и бурых пятнах, происхождение которых не оставляло сомнений.

– Эй, вы куда это?

Перед вошедшими появился молодой человек небольшого роста, лысоватый, круглоголовый и юркий.

"Боже мой! – подумала Маранта. – Здесь, что ни гад, то малорослая тварь, как будто их специально таких подбирают!"

– Дык, мертвяка приказано доставить! – сыграл под дурочка Золас.

– Угу! – подтвердил Порфирий хриплым басом.

– А это ещё кто?

Малорослый хлюпик указал на Маранту.

– Дочка евойная! – продолжал «косить под деревенского», разбойник. – Пришла, значит, тело забрать.

– А что же она здесь-то делает? Ей полагается в приёмной сидеть и бумаги подписывать. Кстати, документы на него есть?

– Дык, какие ишшо документы? – Золас понимал, что переигрывает, но продолжал гнуть своё. – Гикнулся человек, теперь ему документы без надобности!

– Это ты, дядя, брось! Документы должны быть у всех, а у вашего покойника даже бирки нет! Кто приказал-то?

– Полковник Мочан приказал.

Рука Золаса незаметно скользнула под плащ. Маранта тоже приготовилась. Вдруг, к въедливому чиновнику присоединился ещё один, такой же низкорослый и щуплый, но совершенно рыжий. Рыжими у него были не только волосы на голове и ресницы, но и сами глаза. Кроме того, всю бледную удлинённую физиономию покрывали рыжие пятна.

– Полковник Мочан, – сообщил этот вновь прибывший, – только что доставлен сюда мёртвым. Кроме него погибли ещё двое из оперативной группы. А у государственного преступника Теренция, которого тащит на себе этот мужик, сколько я помню, не было никакой дочери! Поэтому я, пожалуй, сделаю так!

Его рука метнулась к кнопке на стене, но вдруг в тишине белого коридора, ахнуло так, что заходило ходуном всё здание! Тело рыжего с развороченной грудной клеткой заскользило по грязно-белому полу, а его товарищ судорожно пытался извлечь из кармана зацепившийся за что-то газовый пистолет. Удар рукояткой обреза в лоб проломил ему череп и прекратил эти бессмысленные старания.

– Сурово! – прокомментировал произошедшее Золас, который на этот раз решил не мешать Маранте, и только презрительно отшвырнул носком сапога бесполезную газовую хлопушку убитого.

– Они мне надоели! – сказала девушка, вытирая перепачканное оружие о подол. – Эх, опять не удалось уйти по-тихому!

Глава 17. «Дворец наслаждений»; особые стороны любви

Зиг возлежал на ложе из подушек в позе патриция и лениво наблюдал за происходящим. Он был завернут в большую простыню напоминавшую тогу, а в руке держал чашу с ароматным красным вином, недавно взятым, как трофей в ограбленном купеческом караване. Перед его глазами разворачивалось потрясающее действие – целых пять пар сошлись друг с другом в любовных схватках.

Сам он был опустошён и понимал, что сегодня вряд ли примет участие в чём-то подобном. Так что ему оставалось только наблюдать, как распалённая страстью и, как всегда, непостижимо красивая Галанта, прыгает на толстом, веснушчатом члене Ваньки и улыбается ему, Зигу!

Когда, неделю назад, сюда вошёл пунцовый от смущения, переминающийся с ноги на ногу, Ванька, Зигелю и в голову не приходило, что он уступит ему подружку, хоть для него самого уже не было чем-то необычным, заниматься любовью с разными партнёрами, а то и с двумя девушками сразу. Но за эту неделю так всё переменялось!

Во-первых, в их компанию попросились все женщины, спасённые Золасом от заточения в пограничном форте. Во-вторых, кроме Ваньки, Зиг привёл в этот уголок любви ещё несколько молодых разбойников, а потом ещё несколько пришли сами.

Теперь палатка Галанты не могла вместить всех желающих и тогда, совместными усилиями, эта часть лагеря была перестроена: несколько палаток разобрали и объединили в единое целое. В центре этого сооружения образовался просторный зал, которым сразу же завладела Галанта, взявшая на себя главенствующую роль. К этому залу примыкало несколько отдельных помещений, большинство из которых были проходными. Получилось сложное сооружение, которое кто-то сразу назвал "Дворцом наслаждений". И это название полностью себя оправдывало. Здесь никто ни от кого не прятался, всё происходило открыто, бесстыдно и это невероятно заводило всю компанию! К немалому удивлению мальчика, вместе с мужчинами, из старой части лагеря, явились несколько женщин, которых он знал и никак не ожидал здесь увидеть. Вот, например...

Зиг встал, приветливо махнул Галанте, и прошёл в соседнее помещение. Там, на низеньком ложе из тюфяков набитых вереском, наслаждались друг другом трое. В центре лежала на спине молоденькая вдовушка, у которой, как было известно Зигу, имелось двое детишек двух и трёх лет. Вся такая кругленькая и румяная, она напоминала свежеиспечённую булочку. Её все знали, как трудолюбивую и радушную хозяйшку, добрую и готовую всегда помочь любому из соседей, хоть сама она была постоянно чем-то занята.

Теперь эта, приятная, во всех отношениях, женщина самозабвенно ласкала губами и языком, красную, блестящую от смазки, дубинку молодого лесоруба, которого произвол королевских чиновников загнал в разбойничий лагерь. В то же самое время, в лоно этой дрожащей и стонущей от удовольствия вакханки, входил, похожий на толстую, корявую палку, орган крепкого, кряжистого мужика, лет пятидесяти, которого Зиг увидел в лагере недавно. Вся компания не обратила на вошедшего совершенно никакого внимания. Впрочем, он и не собирался оставаться здесь надолго.

Сделав шаг за порог, Зиг чуть не споткнулся о лежащую на полу парочку, в которой узнал малютку Нию и лохматого звероподобного разбойника, прославившегося тем, что он мог задушить медведя голыми руками. Как ни странно, но это чудовище оказалось очень нежным и ласковым любовником, зато его толстая шкура была неуязвима для острых ногтей и зубов,

чересчур страстной девушки. Вероятно поэтому их с Нией, в последнее время, всё чаще можно было видеть вместе.

В следующей комнате находились одни девушки. Зига потрясло, когда в их компании несколько дней тому назад появилась семейная пара. Полдня они сидели в углу центрального зала или ходили из палатки в палатку, как это делал сейчас Зиг, а потом... Потом муж бросился, как в пропасть в жаркие объятия вакханок, постоянно меняя женщин, а вот его жена, попробовала сначала одного, потом другого партнёра, и вдруг проявила неожиданный интерес к девушкам. Теперь она была у них заводилой, и в этой палатке находилась её резиденция.

Поразительно, но начиная с первой ночи, эти двое всегда уходили в обнимку, тесно прижавшись, друг к другу. Как-то раз Зига разобрало любопытство, и он прокрался за ними до примитивной хибары, в которой это семейство жило постоянно. Тут его поразило ещё одно открытие – в ночной тишине из ветхого строения доносились приглушённые сладкие стоны. Значит праздник любви, несмотря ни на что, продолжался, но теперь это было только для них двоих! Тогда Зиг понял, как мало он ещё знает о жизни. Зато его уже не удивило появление во "Дворце наслаждений" ещё четырёх супружеских пар, которые пришли одна за другой за несколько последних дней, и у каждой из них были свои забавные пристрастия и причуды.

Мальчик, (впрочем, теперь его уже никто не смог бы так назвать), вздохнул и вышел на свежий воздух. Ночной ветерок принялся играть с его нарядом, раздувая "тогу" словно парус. Зиг задумался. Совсем недавно он мечтал о девушках, как о чём-то одновременно близком и далёком.

Они ходили рядом, такие красивые и недоступные, посмеивались над ним, нескладным безусым подростком. Он думал, что со временем в его жизни появится та единственная, которую он полюбит, завоюет, а может быть даже от чего-нибудь спасёт! А дальше... дальше семья, дети, внуки... Вобщем всё как у людей. Н-да. Получалось как-то не совсем так. Впрочем, Галанта с самого начала успокоила его на этот счёт и сказала, что его любовь, возможно ещё впереди, и что нельзя путать её с плотскими удовольствиями "Дворца наслаждений".

Может, так оно и было, но Зиг чувствовал в своей жизни, какую-то неполноту. Теперь девушки перестали быть недоступными. Здесь были всякие – совсем молоденькие, (во "Дворец" не допускались только дети), и постарше, нежные и резкие, застенчивые и страстные... Но почему-то хотелось чего-то ещё! Чего-то большего, необычного, настоящего! А ещё в голову постоянно приходила мысль, что надо отсюда уйти. Куда? Этого Зиг не знал. Ну, может быть на охоту или "на дело", когда разведка донесёт про очередной караван. Он вдруг вспомнил про свой дробовик, с которым не расставался первое время. Надо его проверить, почистить, смазать... Ой!

Жёсткие сильные пальцы преобильно прищемили ухо! Зиг рванулся прочь от обидчика, но не сбежал, а развернулся к нему лицом и сжал кулаки, готовый к драке! Его глаза сверкнули в ночной тьме зловещим огнём и... вдруг стали круглыми, а сердце запрыгало как сумасшедшее – в двух шагах от парня, оперев руки в бока, стоял улыбающийся Золас.

– Атаман!!!

Если бы Зиг был собакой, то он сейчас прыгал бы от радости, стараясь достать языком, нос хозяина, а потом плюхнулся бы на спину, подставляя голое пузо в знак подчинения и полного доверия! Где-то в глубине души парень даже пожалел, что он не собака. Он не мог прыгать от радости, не мог даже броситься обожаемому атаману на шею, это было бы как-то совсем не по-мужски. Оставалось только стоять и глупо улыбаться, радостно хлопая глазами, и забыв о прищемленном ухе.

– Да, малыш Зигель, это я! – Золас окинул взглядом "Дворец наслаждений", но было непонятно, как он относится к увиденному. – А ты, я вижу, времени даром не теряешь, тщательно выполняешь последнее распоряжение своего атамана – заботишься о госпоже Галанте!

– Атаман... – пробормотал Зиг, чувствуя, как заливается пунцовой краской.

Но атаман только махнул на него рукой и вдруг расхохотался громко и весело.

– Ну, Галанта! Такую бабу поискать! – проговорил он, не без труда перестав смеяться. – Да и ты хорош! Не ожидал от пацана таких способностей! Ладно, потом расскажешь, как было, а теперь собери мужиков, что покрепче. Я, конечно понимаю, что грех отрывать мужчину от благого дела, но мне нужна помощь. Женщинам тоже скажи, что надо срочно развернуть лазарет – у меня тут двое раненых. Давай, пошёл! И это, оденься что ли!

.....
Некоторое время назад на подступах к лагерю разбойников произошло следующее.

В кромешной тьме, не освещаемый даже светом звёзд, потому что прятался в тени молодого платана, сидел на камне дозорный. Человек он был опытный и хоть курил трубку, но прятал огонёк в кулаке, чтобы его не было видно со стороны.

– Здорово, дед Пафнутий! – вдруг произнёс кто-то вполголоса у него над ухом.

– И тебе здравствовать, атаман! – ответил тот, кого назвали дедом Пафнутием. – Как меня нашёл-то?

– Просто. Дерево само курить не может, а дымок твой на фоне луны виден.

– Добро! Сам я значит, виноват, надо было выбирать листву погуще. А ты чего на телеге-то привёз?

– Откуда ж ты про телегу знаешь? В темноте увидел что ли?

– А зачем мне видеть? Колёса скрипели, лошадь фыркала, значит, телега рядом.

– Понял. Ну как дела в лагере? Что новенького?

– У нас много новенького, всего и не расскажешь! Хорошо, что ты вернулся вовремя, может они уймутся малость, а то спать не дают. Наведи там шороху, пока лагерь не смыло!

– Пока лагерь не смыло? Чем?

– Потопом любовным! Да вот – сам послушай.

Золас прислушался. В ночной тишине раздавались в отдалении женские и мужские стоны и вскрики. Они были протяжными и радостными, томными и счастливыми, какими могут быть только звуки любви.

Глава 18. «Законный» выход

– Так я не понял, атаман, как ты из дворца-то выбрался?

В притихшем лагере сейчас были слышны только трели сверчков и потрескивание фитилей в масляных лампах. В просторной командирской палатке, когда-то позаимствованной из снаряжения королевской армии, за столом, уставленным кружками, сидели пятеро и вполголоса обсуждали недавние события. Зиг помещался в углу на ящике с припасами и немного дулся. Как посылать с поручениями, так, Зигель, сделай то, да, Зигель, сделай это, а как военный совет, так, Зигель, не мешай старшим! Спасибо, что хоть совсем не прогнали, ведь интересно послушать! Теперь он напрягал слух до боли в голове. Люди вели себя тихо, стараясь не разбудить женщину, спящую неподалёку на походной кровати атамана.

"Мало нам тут баб! – подумал Зиг с досадой. – И так, вон что из-за них получилось, так он ещё одну приташил!"

Теперь атаман спокойно пройти мимо него не мог, чтобы не расхохотаться или ехидно не подмигнуть.

– Выбрался я, можно сказать, благодаря ней, – ответил Золас на вопрос старого разбойника, кивнув в сторону спящей девушки. – Через полчаса после того, как её сменили на посту, к моей камере явился человек семь стражников. Они арестовали, охранявших меня гвардейцев, а взамен поставили свой пост из двух бугаёв с головами без шеи и пороссячими рылами. Это меня, конечно, удивило, но мало ли что бывает? Однако, только лишь, разводящий удалился, как эти ребята решили со мной поговорить, или скорее поиздеваться. Они-то и сообщили мне, что Гвардия распущена и по большей части заключена под стражу, что теперь они здесь самые главные и что моя казнь состоится на рассвете завтрашнего дня. А я-то надеялся ещё отоспаться недельки две-три, пока будет идти судебный процесс! Но самое главное из того, что они радостно проорали в окошко двери, было – "Твоя подружка будет повешена рядом с тобой! Её уже поволокли в любимую пыточную Главного прокурора!" Тут я понял, что тянуть больше нельзя, открыл дверь и разнёс одному из них череп скамейкой, а другого проткнул его же тесаком. Потом я прошёл по коридору к первой решётке и придушил там ещё одного стражника, благо он дремал, привалившись к этой решётке спиной. Затем было карательное помещение, где пятеро разгильдяев играли в карты. Я снял им головы, забрал ключи и пошёл дальше. Потом было ещё две-три решетки, из которых охранялась только одна. Ну, этого последнего я достал ножом издали. Самым паршивым было то, что ни у кого из этих вояк не было даже самой примитивной пушки! То-ли им не доверяли, то-ли высшее начальство решило экономить на вооружении собственных солдат, но у них были только тесаки. Так себе трофеи, знаете ли!

Тогда я сообразил, что нахожусь рядом с арсеналом и решил туда наведаться. Когда я подошёл к знакомым дверям, то окончательно убедился, что произошла смена власти: охраны возле входа не было, зато весь пол был залит кровью. Внутри, меня сначала ждало разочарование – все пушки большие и маленькие были вынесены, по углам валялись только ржавые клинки и несколько секир. Но вдруг я увидел здоровенный сейф, которого не было во время моей службы. Он был не тронут, вероятно, его поставили уже после того, как вычистили арсенал. Открыть его оказалось непросто – провозился минут пять, но, в конце концов, замок поддался и я распахнул дверцу. Представьте себе мою радость, когда передо мной предстало моё собственное оружие и снаряжение! Всё было аккуратно пронумеровано и снабжено бирками с надписью: "Вещественные доказательства". Там же я нашёл меч и португепю Маранты, почему-то безо всяких бирок. Тут я понял, что те уроды не врали и она на самом деле в беде.

Оставалось лишь загадкой, как нас отследили, ведь камера, куда меня тогда засунули, это отдельный карман в конце подземного хода выдолбленного в твёрдом грунте, она ни с чем не

соединяется. Но размышлять об этом было некогда, и я отправился дальше. Сначала навестил дворцовую камеру пыток. Я неплохо знаю дворец Лоргина, хоть и бываю там в последнее время нечасто. Когда-то это помещение служило для отправления королевского правосудия. Потом правосудие превратилось в кровожадного монстра с людоедскими потребностями и зал, соответствующим образом, переделали. Но пришёл я, туда зря – там было пусто. Единственное, что меня порадовало, это отсутствие свежих пятен крови на полу. Тогда я понял, что мне не обойтись без информатора и пошёл на его поиски.

Это было не так-то просто: во дворце, несмотря на поздний час, царил суматоха! Бегали люди, кто-то прятался, кого-то резали, где-то гремели посудой, (не иначе, как столовое серебро сваливали в мешок, как же в таком случае не поморадёрствовать?). Меньше всего мне хотелось ввязываться в эту свару, но "язык" был необходим и вскоре мне повезло.

В одном из покоев я наткнулся на человека, лихорадочно собиравшего в узел какое-то барахло. При виде меня он чуть было в обморок не грохнулся, выронил свой узел и запричитал: "Господин офицер! Господин офицер! Я ничего не трогаю, просто навожу здесь порядок!" Это оказался слуга, который решил под шумок пожить хозяйским добром. Как раз то, что мне было нужно! Ни слова не говоря, я схватил его за шиворот и поволок в сторону камеры пыток. Увидев, куда его ведут, бедняга обделался, упал на колени и забулькал уже совсем что-то нечленораздельное. Тогда я встряхнул его, как следует, и спросил, знает ли он что-нибудь о девушке из Гвардии, которую сегодня здесь допрашивали? На это он сказал мне, что ту девушку не допрашивали, а судили и приговорили к смертной казни, и что сейчас вообще "убирают" Гвардию. На вопрос о том, где мне её искать он сказал, что не знает, но об этом должен знать тюремщик, с которым он собирался встретиться, чтобы припрятать награбленное в одной из камер. Мы пошли к этому тюремщику и тогда я сменил "языка", просто слегка пристукнув первого.

Этот второй оказался ценным экземпляром! Он сразу понял, кто я и что ему грозит в случае неповиновения, а потому разразился целым потоком информации. В частности он мне поведал, что во дворце и впрямь переворот, но старину Лоргина не тронут, а вырежут лишь его приближённых. Заодно было решено ликвидировать Гвардию, которая могла свести на нет все усилия заговорщиков. Ликвидировать Гвардию решили сначала "законным" путём, уничтожая людей за малейшую провинность, часто выдуманную, но дело переросло в обычную резню. Это всё меня мало касалось, и я приказал ему идти туда, где содержали Маранту.

Подземной темницы, в последнее время, Лоргину оказалось недостаточно. Целое крыло дворца было теперь отведено под тюремный блок и работы по его переоборудованию ещё не закончились. Мой провожатый уверенно вёл меня по длинным коридорам с камерами, увлечённо рассказывая, какие перемены ожидаются здесь в ближайшем будущем. Когда мы, наконец, добрались до коридора с нужной дверью, он хохотнул и сказал, что дальше не пойдёт, так как с заключённой сейчас "работает" господин Главный палач, и он не хочет навлечь на себя гнев начальства. Тогда я схватил его за шкуру, подтащил к двери, заставил вставить ключ в замок, а потом свернул шею! Не люблю, знаете ли, таких подонков.

Входя в камеру, я ожидал нарваться на драку, но увидел, что моя новая знакомая всё уже сделала сама! Палач, этот вертикальный слон, плавал в луже собственной крови, а эта необыкновенная женщина, нагая и прекрасная, как молодая ведьма, стояла в боевой стойке с ножом наготове, готовая убивать всё что движется, так что даже у меня от её взгляда мороз прошёл по коже.

В общем, вышли мы из тюремного блока беспрепятственно, благо там никого больше не было. Сначала я не придавал этому значения, а следовало бы! Ведь по всему дворцу идут аресты, а тюрьма пустая? Куда деваются люди? Разгадка ждала нас во внутреннем дворе, куда мы вышли в надежде проскользнуть к одной из задних калиток. Здесь, под навесом, они все и лежали, словно брёвна в штабеле. Мужчины, женщины, несколько детей, придворные, сановники, слуги, довольно много гвардейцев и даже несколько стражников. Большинство из них,

явно были зарезаны спящими. Другие, по-видимому, сопротивлялись или пытались сбежать, и потому были искромсаны особо жестоко.

Честно говоря, я хоть и много лет назад расплевался с Гвардией, но всё равно почувствовал, как защемило сердце при виде такой картины. Можно себе представить, что творилось в душе у Маранты, когда она *вот так* увидела своих вчерашних товарищей! Поэтому я не стал её останавливать, когда она обнажила свой клинок и вышла из тени. Возле навеса, где были сложены тела, стояли несколько стражников. Что они там делали я так и не понял. Охраняли покойников, чтоб не сбежали, что ли? Скорее, просто филонили или отдыхали от тяжких "трудов".

Это стоило им жизни, зато перед смертью они стали свидетелями потрясающего зрелища, которым я откровенно любовался – обнажённая красавица, прекрасная и неотвратимая, как сама Богиня мести, шла на них с распущенными волосами и сверкающим мечом в руке! Я даже не стал ей помогать. От первого взмаха острой, как бритва, скъявоны, слетели сразу две головы с лиц, которых не успело сойти удивлённое выражение. Трое из оставшихся схватились за оружие, а ещё один бросился наутёк. Я уже хотел его догнать, но этого не потребовалось – нож палача, брошенный Марантой, вошёл ему в затылок и этот трус рухнул, словно споткнулся обо что-то невидимое. Его товарищи уже валялись, словно разбросанные куклы, двое проколотые, а один с головой, разрубленной на две половины.

Но порадоваться победе нам не дали: целая толпа вооружённых людей вывалилась из хозяйственных помещений и отрезала нам дорогу к выходу. Пришлось опять бежать во дворец.

Мне удалось захлопнуть за собой массивные двери и даже задвинуть засов, что на некоторое время задержало наших преследователей. Хуже всего было то, что у нас теперь не было плана спасения, мы просто бежали по пустым залам и галереям, прислушиваясь к звукам погони. Внезапно, мы оказались в тронном зале, где, как и во всей парадной части дворца, никого не было. Здесь, рядом с тронном, стояло знамя короля Лоргина, при котором должен был находиться постоянный пост из двух гвардейцев. Тут нас ждала знакомая картина: никого нет, но зато на полу перед знаменем лужи крови, а у подножья трона чей-то рассечённый шлем. Я хотел было уйти из этого скорбного места, но Маранта попросила меня немного подождать.

Она подошла к знамени и произнесла формулу разрыва контракта, чем немало удивила меня, ведь её контракт и так уже был аннулирован самим предательством тех, кому она служила. Но, по-видимому, эта девушка придавала подобным вещам большое значение. Впрочем, всё это длилось не долго. Закончив "процедуру", Маранта сняла знамя с древка и завернулась в него, как в плащ. "Сгодится пока что!" – сказала она мне, и мы отправились дальше.

Только вот куда нам было идти? В жилые помещения соваться было глупо, там наверняка находилось больше всего стражи. Путь к хозяйственной части дворца был отрезан, в тюремном блоке мы уже побывали. И тут я вспомнил про казармы стражи. Ведь если вся она, стража то есть, занята государственным переворотом, то в казармах сейчас никого быть не должно! К тому же я достоверно знал, что оттуда был свой выход на улицы города. Но как туда попасть? Ответ пришёл сразу – через банкетный зал. Он был расположен прямо над королевской кухней, а кухня непосредственно примыкала к казармам, что давало возможность их обитателям, время от времени, перекусить сверх отпущенного пайка. На наше счастье, в банкетном зале тоже никого не было. На кухню мы смогли спуститься в грузовом лифте, благо он был достаточно большим, ведь блюда, которые на нём поднимали, тоже были немаленького размера.

Дверь, ведущая в казармы, оказалась заперта, но замок в ней был совсем простенький и мы прошли дальше, не останавливаясь. Как я и предполагал, казармы были пусты, но у двери, ведущей на улицу, сидел дежурный. Этот малый, как и большинство стражников, был здоровенным и на вид тупым, но, на наше счастье, добродушным. Он был занят тем, что набивал себе брюхо кашей, поставив перед собой целый котелок.

"Друг, выручай! – сказал я ему, не дав опомниться. – Застукали меня с подружкой, вот-вот поймают! Выпусти, а? Я в долгу не останусь! Бочонок пива поставлю! Нет, два! Открой дверку!"

"Это за вами, что ли все бегают?" – спросил он, с любопытством оглядывая Маранту.

"Нет, не за нами! Это у них, э-э... учебная тревога! Но за нами тоже кое-кто тащится и если накроют, то не сдобровать!"

"Ага! Сейчас с этим строго! Ну ладно, давай, иди, только не забудь про пиво!"

С этими словами он встал и открыл нам дверь, ведущую в город. Я, конечно, мог его просто убить, но зачем проливать лишнюю кровь, которой и так пролито немерено.

– А ты хоть знаешь, что обо всём этом сказали народу? – спросил разбойник с такими пышными усами, что за ними совсем не было видно рта.

– Нет, ещё не слышал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.